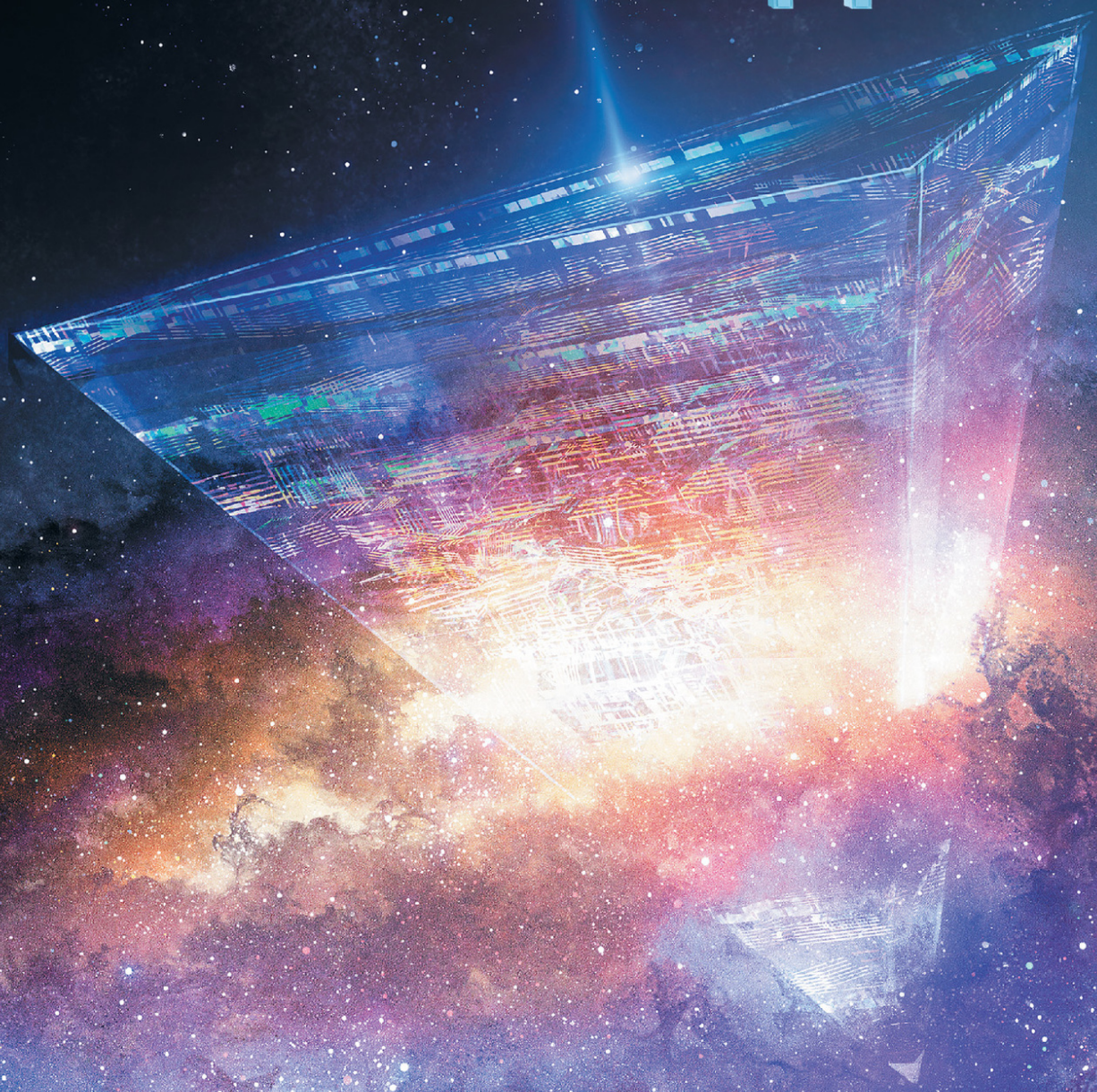

АЛЕКСАНДР
ГРОМОВ

ЗВЕЗДНАЯ ПИРАМИДА

Галактическая империя

Александр Громов

Звездная пирамида

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Громов А. Н.

Звездная пирамида / А. Н. Громов — «Издательство АСТ»,
2019 — (Галактическая империя)

ISBN 978-5-17-117842-0

Тысячу лет существовала галактическая империя людей – но обветшала и рассыпалась. Как вновь объединить десятки тысяч обитаемых миров? Самый реальный и безболезненный способ – вспомнить принципы построения финансовой пирамиды. По Галактике снуют вербовщики, обещая мирам процветание. Отсталая планета Зябь присоединилась к пирамиде. Теперь ей нужно найти пять обитаемых миров на роль финансовых вассалов. В космос на вербовку отправляется странная команда: фермер, беспризорник, жулик и эстрадная примадонна...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-117842-0

© Громов А. Н., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пролог	6
Часть первая	11
Глава 1. Ларсен, вольный вербовщик	11
Глава 2. Леопольд ССХХVII, монарх	16
Глава 3. Вербовка	25
Глава 4. Цезарь Спица, беспризорный	29
Глава 5. Ипат Шкворень, фермер	35
Глава 6. Цезарь и другие	42
Глава 7. Ларсен и Зябь	49
Глава 8. «Топинамбур»	52
Глава 9. Цезарь и Ларсен	58
Глава 10. В небо!	65
Глава 11. Выньте из супа поварешку!	71
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Александр Громов, Дмитрий Байкалов

Звездная пирамида

Серия «Космос Сергея Лукьяненко»

Художник Д. Андреев

© А. Громов, Д. Байкалов, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Пролог

Да, были раньше времена...

Счастливые? Вот уж вряд ли. Но уж точно не такие бессмысленные, как теперь.

Иногда смешные.

А ведь был в стародавние времена период, когда многим казалось, что Земля Изначальная, она же Колыбель человечества, навсегда останется единственным пристанищем людей, и дело кончится тем, что они либо поубивают друг друга, либо перестанут интересоваться громадным миром вокруг них. Были такие времена, были! О переселении куда-то еще, о создании внеземных колоний, о лавинообразной экспансии человечества в Галактику никто всерьез не говорил. Таковы уж люди, и тот из них, кто видит пропасть между кажущимся и действительным, слывет среди большинства либо мудрецом, либо круглым идиотом.

Поначалу думалось, что большинство право: выйдя в не очень-то уютный ближний космос, человечество очень скоро перестало понимать, зачем оно это сделало. Малыш, впервые встав на ноги, хотя бы подражает взрослым. А кому подражали взрослые люди?

Спрашивается: чего им дома не сиделось? Неужели людей погнало в холодные неведомые дали одно лишь благородное любопытство?

Как бы не так. И на Земле Изначальной в давно забытые времена, и в Галактике сейчас – одни и те же игры, невозможно старые, но нескончаемые. Выгода, чистая выгода! Она и причина игр, и награда победителю. Говорят даже, что она – двигатель прогресса...

Ага! Вот пропустит защита корабля аннигиляционную торпеду – будет тогда всему экипажу решительный и бесповоротный прогресс! Жаль, что фотоны высоких энергий, что разлетятся тогда по всему Локону Пуделя и даже дальше, не смогут порадоваться очередному шагу прогресса, потому что фотоны вообще ничему не умеют радоваться...

Так или примерно так думал помощник канонира семнадцатой барбетной артиллерийской установки флагманского линкора «Гордость Унии» Чанг Вайяши, наблюдая картину сближения трех флотов, что транслировалась ему в компьютерной обработке прямо в зрительные центры мозга. Завитки газовой туманности, известной под неофициальной кличкой Локон Пуделя, окутывали флоты легким флером. Изготовившийся к атаке флот Лиги выглядел мощно и грозно. Флот Земной Федерации, уступая противнику в числе, выстроился в оборонительный порядок, выдвинув вперед старые, обреченные уничтожению линкоры и оттянув назад основные силы. Мелкой мошкой вились катера.

Назревало не просто сражение – бойня. Чангу вдруг стало смешно, он даже хихикнул. Две могучие силы готовились уничтожить друг друга, испепелить и стереть в порошок, но вряд ли командующий флотом Лиги, а равно и командующий флотом давно надоевшей занозы под названием Земная Федерация знали, что на уме у командующего флотом Унии, формально слабейшим из трех. Этого не знал помощник канонира Чанг, не знал и сам канонир, не знали младшие и старшие офицеры «Гордости Унии», и как подозревал Чанг, не знал и командир линкора. Союзные отношения между Лигой и Унией формально не прерывались, но кто же не знал, что Уния Двенадцати Миров давно и упорно избегает участия в боевых действиях против землян! Возможно, и на сей раз флот Унии ограничится ролью стороннего наблюдателя...

Как надоело! До тошноты, до желудочных колик. Пусть глупо все это, пусть ни один из тех, кто сидит сейчас на боевых постах, не является истинным выгодополучателем и никогда им не станет... но нет боевых действий – нет и продвижения по службе. Да и просто-напросто надоело бездействовать! Чанг скорчил кислую гримасу.

Наверное, надоело и старому Гудмундуру, канониру, поскольку он проворчал себе под нос на забытом языке что-то неодобрительное, скорее всего – ругательное. Этот-то на что надеется? На какое продвижение по службе в его-то возрасте?..

Первая же вспышка навсегда ослепила бы Чанга, наблюдай он ее своими глазами. Сражение началось. Идущие в авангарде крейсера Лиги, почти равные по мощи старым линкорам землян, ринулись в атаку – и земляне ответили всем, чем могли.

Что назревало, то и назрело. А назрев – случилось. Бойня. Чанг еще не знал, что это сражение войдет в историю как Битва трех флотов в Локоне Пуделя и что на протяжении следующих десяти тысяч лет ни одно из космических сражений не сравнится с этим по масштабу и ожесточению. Он просто наблюдал, неслышно позевывая на нервной почве. Наблюдал, как взрываются, обращаясь в ничто, корабли, и ждал команды.

Ждать пришлось дольше, чем он предполагал. Сражения космических эскадр, как правило, скоротечны, и сила была на стороне Лиги, но земляне дрались умело и отчаянно, они поставили на кон все, и светлая туманность-завитушка, известная под кличкой Локон Пуделя, мало-помалу становилась растрепаннее и ярче...

А когда от эскадр противников остались рожки да ножки, корпус линкора сотрясла мелкая дрожь. В ту же секунду мозга Чанга достиг приказ и не был понят. Гудмундуру пришлось рявкнуть:

– Спишь??!

Чанг не ответил. Встрепенувшись, он делал то, что многократно отрабатывал на тренировках, контролируя работу артиллерийской автоматики, и сам был подобен автомату. Думал ли он в тот момент о прогрессе или о том, что вот, дескать, были раньше времена, – осталось неизвестным.

Зато хорошо известен итог Битвы трех флотов: формальную победу в ней одержала Уния Двенадцати Миров – от ее космофлота остался один флагманский линкор, пусть и поврежденный, в то время как от флотов Лиги и Земной Федерации не осталось вообще ничего. Возможно, командующий несколько поторопился начать бить как обескровленных врагов, так и выдохшихся союзников... не до конца они выдохлись и обескровились! Но так или иначе, ни земляне, ни Лига никогда больше не заявляли о себе как о реальной силе в Галактике.

Уния – тоже...

И потекли столетия. Стрела времени, как известно из физики, летит в бесконечность и никогда не угодит в цель. Постепенно залечивались раны, основывались новые колонии, перекраивались под человеческие потребности новые планеты, возникали, враждовали и распадалась союзы, альянсы и конфедерации, словом, шла жизнь. И кто-то уже вновь вздыхал по давно и навсегда ушедшему: да, были раньше времена...

Галактика велика, но не бесконечна. Прошли тысячелетия, прежде чем в ней стало тесновато. В этот период галактической истории поднялась империя Суррах, названная так по имени планеты, чье правительство оказалось достаточно разумным, чтобы не вмешиваться ни в какие конфликты. Весь период галактических войн Суррах уклонялся от соблазнительных, казалось бы, предложений присоединиться к тому или иному союзу, обустроивал свою собственную цивилизацию, приторговывал оружием, поставлял наемников, совершенствовал технологии – и в конце концов выиграл не формально, а фактически. Выиграл, не проведя ни одной боевой операции, не сделав ни одного выстрела.

В нищей и разоренной Галактике планета Суррах осталась единственным богатым и процветающим миром. Его правители проявили дальновидность, объявив: самоизоляция – это стагнация, упадок и в конце концов смерть. Правительство сумело убедить население: единственный шанс к развитию и дальнейшему процветанию – стать центром кристаллизации галактической империи.

Только этого и ждали люди на разоренных войной планетах. Хватит войн! Да здравствует мирная жизнь! Ура Сурраxu! Запрудившие улицы толпы брали штурмом парламенты и рвали на части реваншистов. Кто за присоединение к империи? Дашь референдум! Какая там гнида воеет об урезании свобод? Хорошая жизнь лучше иной свободы. Да и о какой свободе идет

речь? О свободе попасть под мобилизацию и сгореть в плазменном облаке за тысячу парсеков от родного дома, защищая одних негодяев от других?

Спасибо, научены!

Суррах давал многое, но требовал подчинения. Нищие, вымирающие миры шли на все. Иные, не столь разоренные, пробовали выторговать себе особые условия – иногда успешно. Очень немногих пришлось убеждать аргументами более вескими, чем дипломатия.

О том, как последний император Сурраха стал первым галактическим императором, не сохранилось точных исторических данных – пересказывать же легенды нам мешает элементарная добросовестность. Если желаете, проверьте сами – обе канонические легенды, не говоря уже о десятках апокрифов, рассыпаются при самом незамысловатом испытании на прочность. В итоге имеем голый факт – и больше ничего.

К концу восьмого тысячелетия с начала галактической экспансии человечества империя достигла наивысшего расцвета. Гиперпространственные корабли пересекали Галактику за считанные дни. Невероятно выросла численность двуногих, наделенных (как им казалось) разумом существ. Среди миллионов землеподобных планет девять десятых все еще оставались неизвестны людям. Но многие тысячи новых миров были колонизированы и присоединены к империи. Еще не освоив Галактику, люди достигли ее карликовых спутников и основали там колонии.

Все это кончилось не в результате войны и не в одночасье. Империя просто-напросто состарилась, одряхлела, долго агонизировала и в конце концов задохнулась под собственным весом без каких-либо масштабных катаклизмов. Сверхскоростные корабли и системы мгновенной связи не помогли ничем. И если во Вселенной имеется Высший Наблюдатель, он мог бы уподобить распад империи Суррах странному муравейнику, в котором каждый муравей вдруг пожелал быть сам по себе – и бросил любимую кучу.

Да, были времена...

Ну и где они теперь?

Глупый риторический вопрос. Ответ на него банален: нигде. Вернее, в прошлом, что одно и то же. Прошли и сгинули те эпохи, когда империя была великой и могучей. Но мало-помалу прошли и следующие, когда от империи осталось одно название. Все ведь когда-нибудь кончается.

Даже распад.

Что нужно для начала новой кристаллизации? Пустяк, затравка. Попадет в перенасыщенный раствор соли невидимый глазу кристаллик – и только глаза вытаращишь, не в силах постичь умом результат. Точно так же стремительно, всего лишь за какую-нибудь сотню лет, возродилась галактическая империя, причем возродилась без войн и каких бы то ни было шумных катаклизмов.

Скажете, так не бывает? Бывает.

Установите точно, чем перенасыщен раствор, бросьте в него подходящую идею-кристаллик – и отойдите в сторону, но приготовьтесь таращить глаза, а также поддерживать рукой челюсть. Понравится ли вам результат – вопрос второй.

Но результат точно будет.

Какие такие космические эскадры? Зачем они? Просто-напросто однажды на планету Цельбар прибыл личный посланец императора и был неофициально, зато и незамедлительно принят президентом республики. Судьбе и Случаю было угодно, чтобы этот посланец оказался прапрапра... повторите «пра» 517 раз... правнуком Чанга Вайяши. Мелочь? Мелочь. Но Чангу Вайяши, кстати, уцелевшему в Битве трех флотов и дослужившемуся до мичмана, было бы приятно.

– Правительству его императорского величества желательно приобрести технологию производства квазиживых почкующихся кораблей малого класса, – без обиняков заявил посланец сразу после обмена приветствиями. – Класс «Гидра» вполне подойдет.

Как все в Галактике, президент прекрасно знал, что правительство Сурраха и правительство императора совсем не одно и то же. Первое – реальная сила, второе – мнимая величина и соотносится с первым как динозавр с микробом. Хотя формально, конечно, наоборот.

И тем не менее мнимые числа существуют и даже для чего-то используются. Для чего – президент забыл. Но факт помнил.

В улыбке президента самый дотошный физиономист не нашел бы и следа иронии. Президент излучал сплошное дружелюбие.

– Кхм... Хм... При всем уважении к его императорскому величеству осмелюсь почтительнейше спросить: не будет ли сумма контракта... э-э... несколько велика для финансовых возможностей его кабинета?

Непомерно велика – это он знал твердо. Сумма вышла бы немислимо колоссальной даже для такой планеты, как Суррах. Пожалуй, она оказалась бы неподъемной и для полудюжины миров побогаче Сурраха...

– Правительству его императорского величества желательно получить технологию бесплатно, – не моргнув глазом ответил посланец.

– ???

Впоследствии президент с неудовольствием вспоминал свою растерянность в первые секунды после того, как прозвучали и были осознаны эти невероятные слова. Он действительно ничего не понял.

Слуховая галлюцинация?.. Эмиссар оказался сумасшедшим?.. Может, самозванцем?.. И как понимать его слова, в конце концов?!

Понять пришлось. Эмиссар произнес краткую речь, на протяжении которой настроение президента менялось от недоумения к восхищению и зависти. Вот что они там придумали...

Дико, нелепо, но черт его знает, не гениально ли?.. Может получится.

– С Цельбара мы будем брать не пять процентов ежегодно, а четыре, и так во веки веков, – закруглил свое предложение посланец, наконец-то расставив все точки над соответствующими буквами.

– Ни одного, – отрезал президент. – И мы отдаем вам технологию. Даром!

– Хорошо, три с половиной, – сбавил посланец. – Но вечно.

– Кхм... Один.

– Три и двадцать пять. Вечность довольно длинна.

– Так и быть, полтора.

– Три ровно.

– Один и семьдесят пять...

Доподлинно неизвестно, сколько времени продолжалась столь захватывающая беседа. И кому какое дело, что она сильно напоминала торг между продавцом и покупателем на захудалом базаре в заштатном городишке какой-нибудь торговой планеты? Не это важно, как не важно и потраченное на торг время, и то, сколько килограммов живого веса потерял каждый из собеседников за время разговора. Важно то, что стороны в конце концов пришли к соглашению.

– Но нам придется провести общепланетный референдум...

– Ваша точка зрения одержит убедительную победу. Не мне вас учить.

– Кхм... Хм...

Со временем официальные историографы преподнесут визит императорского посланца на Цельбар как долгожданное и весьма торжественное событие. Маргиналы же, напротив, станут уверять, что посланец прибыл на древней развалюхе, а во время беседы обе высокие дого-

варивающиеся стороны вопили как резаные и не раз пытались хватать друг друга за грудки. Мало кто поверит, что неофициальный разговор, открывший новую, доселе еще небывалую страницу истории Галактики, проходил деловито и сухо.

А ведь так и было.

Часть первая

Сонное царство

Глава 1. Ларсен, вольный вербовщик

Он не знал, есть ли у планеты, значащейся в каталоге под индексом ЕТХ125, какое-нибудь человеческое название. Не знал и не интересовался. Сто двадцать пятая – и будет с нее. На захудалую планету седьмого уровня имперской галактической пирамиды его привело отнюдь не праздное любопытство лопухого туриста. В профессии Ларсена любопытство не исключалось, даже напротив, но пользу приносило лишь узко нацеленное любопытство.

– Худо мне, хозяин, – скорбно молвил звездолет, и Ларсен поспешил к ближайшему обитаемому миру, где рассчитывал купить помощь хорошего специалиста по лечению престарелых звездолетов. При всей своей захудалости ЕТХ125 попадала в число подходящих для этой цели планет.

– Сколько раз он почковался? – первым делом спросил лучший из местных спецов. – Только не врать.

Ларсен усмехнулся про себя. Врать тому, кто в два счета раскусит вранье, как орешек, себе дороже. Неужели кто-то способен принять известного космического волка за мелкого жулика?

Впрочем, в этой дыре можно было ждать и не такого.

– Девять, – честно ответил он, сразу почувствовав, как изменилось к нему отношение спеца.

Не выходя из офиса, спец провел углубленное обследование корабля и выписал счет. Увидев сумму и помрачнев, Ларсен приложил большой палец к прямоугольнику «оплатить» и получил отчет на ста двенадцати страницах. Спец оказался столь любезен, что предложил Ларсену чашечку странного на вкус местного кофе и выразил главные результаты обследования в немногих словах:

– Можно гарантировать еще одно почкование. Причем лучше провести его как можно скорее. Желательно также не гонять корабль так, как вы привыкли. Никто из нас не молодеет, и корабли тоже. Но при разумной эксплуатации и хорошем уходе он вам еще послужит.

– Только одно почкование? – нахмурился Ларсен.

– С гарантированным качеством зародыша – только одно. К сожалению. Следующее почкование может вообще не получиться. Или появится зародыш с непредсказуемыми дефектами. – Ларсен шевельнул губами, желая возразить, но спец упредил его. – Знаю, знаю, что вы хотите сказать. Иногда и двенадцатое почкование оказывается удачным. Только не стоит обольщаться. О тринадцатом удачном никто никогда не слышал. Значит, двенадцать. Это теоретически возможный предел для квазиживых звездолетов данного класса, а гарантированное количество почкований – десять. Могу вас заверить, что десятое почкование ваш звездолет выдержит, так что вы не сможете предъявить претензии к продавцу. Стандартный товар, стандартные параметры... Вы ведь не торговец?

– Я вольный вербовщик.

– Тогда понятно. – В глазах спеца Ларсен уловил смесь сочувствия и зависти. Так мог бы смотреть благополучный сытый домосед на оборванного старателя – грязен, изнурен, дик, но ведь может в один миг волшебным образом разбогатеть. – Естественно, вам нужна быстрая посуда. Особенно в наше время. Какой уровень пирамиды сейчас строится – все еще восьмой?

Ларсена покорила простодушная наивность спеца. Хотя в этакой дыре...

– Большой частью девятый.

– Тогда, конечно, вам не резон терять время. Понимаю, понимаю... И все же вот вам мой настоящий совет: отдохните. Возьмите отпуск. Прикажите звездолету отпочковать зародыш, вырастите его, объездите и уже тогда продолжайте свою деятельность. На новом корабле. А старый – в утиль.

Ларсену отчаянно не хотелось брать отпуск.

– Рисковать не советую, – продолжил спец, значительно подняв указательный палец. – Потеряете десятый зародыш – с чем останетесь? Конечно, решать вам...

Ну да, правильно. Кому же еще.

* * *

Ничего еще не решив, Ларсен коротал время в баре при космодроме. Подробно описывать его совершенно излишне – всякому известно, как должен выглядеть бар при космодроме на захудалой периферийной планете. Длинная стойка полированного дерева с торчащими возле нее, как опята, одноногими табуретами, ряд разделенных барьерами столов. Сбоку на низком помосте играет джаз-банд, составленный из странных негуманоидных существ, выведенных с планеты SW2001, – отнюдь не братьев по разуму (сколько там того разума!), но поддающихся дрессировке и не лишенных музыкальных способностей. Посетители бара – исключительно люди. Какие угодно оттенки кожи, разрезы глаз и фасоны одежды. Здесь только экипажи транзитных кораблей и немного местной шушеры – шлюхи, жулики, спившиеся попрошайки. Словом, все свои. Найдись вдруг в Галактике разумные негуманоиды, их бы отсюда поперли. Тех, у кого больше двух глаз и четырех конечностей, не говоря уже о всяких там чешуеглазых, мультиутробных и газообразных, сюда не допускают. И пусть только какой-нибудь троякодышащий попробует возразить! Человек в Галактике звучит не только гордо, но и надменно. Мы сильнее всех, распространились повсюду и не допустим конкуренции. Знай наших!

Квадратный вышибала подпирает стену, спрятав под мышками кулаки-гири и наблюдая за посетителями сквозь сонный прищур. Пока все тихо, и заведение кажется почти благопристойным. Примерно такие же можно встретить в беднейших районах мегаполисов планет второй-третьей ступеней галактической пирамиды, а если хорошенько поискать, то и на самом Суррахе.

Накурено. Здесь пьют все, что горит, и курят все, что дымит. Под слоем недвижимого дыма, похожим на геологический пласт, за столиком у стены сидят четверо мужчин. Трое из них – типичные межпланетники, четвертый – обыкновенный забулдыга. Ему то и дело подливают местное фиолетовое пойло в нечистый стакан. Забудыга так и мелет языком.

– Зябь. Зябь, говорю, чтоб тебя так и этак... Номер в каталоге? Погоди, какой же номер?.. Помнил... забыл... Э! Захочешь – найдешь, чтоб тебя... Зябь – это они сами свою планету так называют... Нет, там не очень холодно... Ну да, дыра, а ты чего хотел? Ясное дело – дыра... Конечно, вне пирамиды... Сонное царство... Я туда летал когда-то с товаром. Потеря времени ой-ой, а барыш никудышный, чтоб тебя так и этак... Ик! Аграрная планета. Управляется... этими, как их... архонтами? Старейшинами?.. А, вспомнил: архистарейшинами. Люди там – ик! – живут испокон веков, а толку нет. Дерьмо планета... ик! Но точно вне пирамиды...

Трое межпланетников терпеливо внимают. Тем временем по рукаву забулдыги ползет «блоха» – мелкий, размером не более настоящей прыгучей блохи, шпион-робот. Тот, кому «блоха» транслирует подслушанный разговор, восседает на табурете-опенке возле стойки, неспешно потягивая местное пиво из большой стеклянной кружки. Это мускулистый мужчина средних лет, коротко стриженный, с жестким взглядом и малоподвижным лицом, наискось пересеченным шрамом. Микроскопический приемник сообщений от «блохи» имплантирован ему непосредственно в правую барабанную перепонку – безвредно и удобно.

Зовут мужчину – Ларсен. Просто Ларсен, без имени. Космический волк Ларсен, известный на многих планетах как один из самых отчаянных вольных вербовщиков. Ему не нравится местное пиво, не нравится планета, не нравится этот бар, его посетители и вид из окна на тесное поле космодрома. Тем временем шпионское оборудование работает на него, потому что какой же вольный вербовщик станет даром терять время? Только природный неудачник или глупец, что одно и то же.

Как и троица межпланетников, Ларсен впервые слышит слово «Зябь». Это что – планета? Стоящая?

Вряд ли. Хотя как сказать...

И точно вне имперской пирамиды...

Интересно!

Пьянчужка сосет фиолетовую отраву и сам меняется в цвете. На помосте солист – недоделыш по разуму, сукин сын – свернул нижнюю губу в длинную трубку и выводит на ней такое, что одновременно хочется жить на всю катушку и помереть в сладких судорогах. Налицо противоречие, а значит, надо заказать еще и нарезать как следует. Хороша у недоделыша губа, лучше саксофона. Завтра с утра многим на борт – и нырь в гиперпространство! Гуляй, пока гуляется! Эх!..

– Разве ж это пойло? – кривится забулдыга. – Вот на Зяби – там пойло, да! Всем пойлам пойло. Вам такое и не снилось, так твою распротак... Не напиток – симфония!

– Да ну? – подзуживает его один из троицы, вместо того чтобы возмутиться нахальством пьянчуги, ругающего дармовщинку, и даже поддерживает его слегка за талию, чтобы забулдыга не завалился набок. – Сам пил?

– Сам-сусам, чтоб тебя... Я везде бывал. Я все пил.

– А как называется?

– Гу-кло... Или бу-дло? Забыл, чтоб тебя... Как-то так...

– Может, ду-пло? – выдвигает гипотезу один из троицы. – Наверное, по способу приготовления названо. На Симмаре выдерживают бренди в дуплах живых деревьев. Вкусная штука.

– М-может, и д-дупло...

Пьянчугу штормит и кренит. Ему подливают, его аккуратно придерживают и торопятся расспросить, пока он еще способен ворочать языком. Делая вид, что целиком сосредоточен на смаковании пива, Ларсен связывается с кораблем.

– Как самочувствие? – тихонько шепчет он.

– Спасибо, хозяин. Паршиво.

– Вот что... Найди-ка мне все, что у тебя есть по планете Зябь... Нет, я не знаю ее номер, поищи по названию. Данные из старых и новых имперских архивов, случайные и сомнительные сведения, байки, все годится... И будь готов к старту.

Секунда тишины. В эту секунду мог бы уместиться тяжкий вздох пожилого звездолета. Не корабль – старая кляча с девятью почкованиями в прошлом... Но очень дисциплинированная кляча. Поэтому никаких вздохов.

– Хозяин... Планеты Зябь в моей памяти нет.

Ларсен не спорит. Раз нет, значит, никогда и не было. Хотя случай редкий.

– А близкое по звучанию?

– Есть Зыбь, Сыпь, Бязь и Зяблик. С чего начать?

– С Зыби. – Ларсен внимательно слушает. – Стоп!.. Как ты сказал?.. Управляется архистарейшинами? Ага. Она самая. Какой уровень пирамиды?

– Планета вне пирамиды. Последние данные получены сто восемнадцать стандартных суток назад.

– Что известно об экономике?

– Аграрная планета. Экспорт и импорт крайне незначительны. Собственные средства межзвездных сообщений отсутствуют.

– Координаты есть? Рассчитай по-быстрому наивыгоднейший курс.

– Сделано. Расчетное время полета – двести три стандартных часа.

– Будь в готовности. Конец связи.

Ларсен глотал пиво, а в голове его шел свой расчет, быстрый и холодный. Двести три часа – это, грубо говоря, восемь с половиной стандартных суток. Если постараться, можно, наверное, добраться и за семь. Прямо сейчас встать и без спешки двинуться к своему кораблю через летное поле. Яснее ясного: трое межпланетников – вербовщики. Не самые удачливые, иначе не стали бы расспрашивать кого попало о какой-то Зяби. Еще вчера Ларсен и сам не стал бы слушать про забытую богом и людьми дыру. Мало ли в Галактике нищих планет! Иные никак не придут в себя после войн, а некоторые всегда прозябали в исконном ничтожестве и будут прозябать. Зябь – очень подходящая для такой планеты кличка.

Но так было вчера.

Это раз.

Наличных средств кот наплакал – это два. При таких обстоятельствах в отпуск не уходят. Звездолету придется еще раз поднатужиться. Риск?

Риск. Но, вероятно, оправданный.

Планета бедна? Допустим. Призовые за вербовку не оправдают ожиданий. Это минус, и большой.

Зато есть и четвертое, самое главное: не важно, кто правит Зябью, хоть архистарейшины, хоть архимандриты, хоть гамадрилы, а важно то, что в их распоряжении нет ни одного корабля. Следовательно, среди туземцев днем с огнем не найдешь межпланетника. Архистарейшины – это даже неплохо. Где старость, там и косность. Кто полетит от Зяби заполнять следующий уровень пирамиды? Не Ларсен ли? За приличный процент, разумеется.

Наклеывался вариант.

Патент от планеты Рагабар, разрешавший Ларсену вербовку пяти населенных планет, был выдан сроком на один стандартный год. Год заканчивался, а Ларсен успел завербовать лишь четыре планеты из пяти разрешенных имперским законодательством. Вряд ли планета стоила вербовки, но навязать ей свои услуги означало завершить старый контракт, заключить новый и вдобавок получить молодой звездолет – плоть от плоти старого. Что может быть нужнее вольному вербовщику?

Значит, Зябь?

Именно так. Звездолету это совсем не понравится, да кто ж его спросит. Местный спец по здоровью квазживых кораблей может катиться к дьяволу со своими рекомендациями. Кораблю придется поднатужиться.

Ларсен отодвинул недопитую кружку. Встал. Собираясь уходить, мазнул быстрым и как бы случайным взглядом по космолетчикам, угощавшим забулдыгу.

Это было ошибкой. Тем более что мгновением ранее шпионская «блоха», пытаясь оптимизировать прием и передачу голосовой информации, напрягла свой невеликий мыслительный аппарат и совершила точный прыжок с рукава забулдыги на обод его стакана.

Ну вот зачем, спрашивается?

Бессмысленный вопрос. Дура – она и есть дура.

– Черт, – пробормотал один из космолетчиков, зорким глазом заметив маневр «блохи» в неярком освещении бара. А второй добавил совсем непечатное.

Третий дунул – резко и прицельно.

«Блоха» свалилась в напиток. Мелко задрогала лапками, борясь с поверхностным натяжением.

Ничего этого забулдыга не заметил. Ему было хорошо. Дармовая выпивка, удовольствие от беседы... чего еще желать? Заплетающимся языком он продолжал бубнить про Зябь и про напиток по имени ду-пло, а трое вербовщиков как по команде мгновенно обшарили глазами бар.

И встретились со взглядом Ларсена. Якобы случайным. Но стальным.

Все сразу стало ясно этим троим. Они разом вскочили. Лишившись подпорки, забулдыга начал крениться набок. Несколько удивившись этому обстоятельству, он в первую секунду перестал болтать, во вторую – осознал неизбежность дальнейшего крена, а в третью – допил одним глотком то, что оставалось у него в стакане. Вместе с фиолетовым пойлом в пищевод и далее в желудок забулдыги низринулась и «блеха». Продолжала ли она и оттуда передачу данных, а если да, то что именно передавала, нас не должно интересовать.

Зато более или менее известно, что происходило в баре вне trebuхи мягко свалившегося со стула пьянчуги. Троица решительно устремила к выходу. Сцапав со стойки ближайшую кружку, Ларсен молча запустил ее в голову тому, в ком по манере держаться опознал командира корабля.

Попал.

Одним меньше, но двое тут как тут. Крик, визг, опрокинутые стулья, хуки и апперкоты, шлюхи – врассыпную, бармен орет, вышибала отлепляется от стены... Куда там – уже через три секунды в воздухе мелькают десятки кулаков. Публика будто только и ждала сигнала. Со столов сыплется выпивка и снедь, кого-то бьют бутылкой по черепу, кто-то бездоказательно вопит: «Убили-и-и!», – кто-то с рычанием выплевывает зубы, глаза налиты кровью, отборная ругань, хаос и ад. Драка затапливает сцену, как цунами, недобратья по разуму из джаз-банда лезут прятаться под столы, солисту-виртуозу оттоптали нижнюю губу. Только сейчас до отмахивающихся кулаками межпланетников доходит, ради чего было затеяно побоище. А Ларсен с разбитыми костяшками пальцев и быстро распухающим ухом уже вырвался из свалки, он уже снаружи и бежит, бежит к своему звездолету... Скорее! Скорее! Это гонка, это спорт сильных. Кто раньше прибудет на Зябь, тот, пожалуй, и выиграл. Ну не глупо ли дарить соперникам хотя бы тень шанса?

Забегая вперед, скажем: Ларсен опередил конкурентов и первым вступил в переговоры с правительством Зяби. С его опытом задача казалась несложной. Он повел дело так, что пресловутые архистарейшины наотрез отказали опоздавшим конкурентам. Первая часть переговоров была проведена почти идеально.

А дальше произошло непредвиденное.

Глава 2. Леопольд ССХХVII, монарх

Кап. Кап. Кап. Кап. Кап.

Мерный убаюкивающий стук. Император повозился, плотнее укутываясь в старое одеяло. В спальне было холодно. Тускло горел ночник, пахло гнилью и поганками, влажно поблескивал старинный гобелен, некогда изображавший то ли похищение сабинянок, то ли избие-ние младенцев, а ныне покрытый причудливыми узорами зеленой и розовой плесени. За свою долгую службу гобелен впитал в себя, а затем испарил, наверное, кубокилометр стекающей по стене дождевой воды.

Нет, пожалуй, все-таки меньше. Не всегда же крыша дворца была хронически дырявой...

Кап. Кап. Кап.

Кап-кап! – звонко и даже с эхом. Не о воду. О металл.

Император, решивший было, что ухо не отмерзнет, если оставить его снаружи, поспешно натянул на ушную раковину одеяло. Мысленно выругался. Звать дворецкого не имело смысла, дворецкий все сделал правильно. В основном. Один таз – под основную протечку, другой – под ту, где капает помалу и лишь во время затяжных дождей. Только надо было положить тряпку во второй таз, чтобы властелин всея Галактики не вздрагивал от редких и всегда неожиданных ударов полновесной, долго копившейся на потолке капли о дно пустой посуды.

Теперь не спалось. Император лежал и думал об уходящей в глубь тысячелетий веренице коронованных предков. Были среди них добряки и деспоты, щедрые и алчные, деятельные натуры и лентяи, встречались умницы, но попадались и дураки, была даже парочка сумасшедших... всякие были – но ни один из них не потерпел бы столь унижительного положения. Уж как минимум они уволили бы нерадивого слугу, не посмотрев, что он стар и предан монарху всей душой. Хотя нет... Отец уже не уволил бы, а пожалуй, что и дед. При них было то же самое, ну, может, чуть-чуть лучше. А началось давным-давно...

Длинный-длинный ряд славных предков... Самодержцев. Властелинов тысяч обитаемых планет и всея Галактики. Почти богов... Как и почему случилось то, что случилось? Кто из предков проморгал начало коррозии великой монархии? Кто первым спохватился, но уже ничего не мог сделать с окрепшими торгово-промышленными корпорациями, рвущимися к власти? Как вышло, что монархия оказалась повязанной по рукам и ногам? Как дошло до того, что императорский двор – одно название, что двор! – стал существовать на пособие, неаккуратно выплачиваемое правительством Суллаха? Если хорошенько поискать в архивах, ответ, наверное, найдется. Жаль только, что знание исторических фактов ничего не изменит. Все в этом мире подвержено энтропии, включая императорскую власть. Что рождено, то обречено состариться и умереть. Вечный, нескончаемый круговорот...

«Жениться надо, – подумал император, поежившись. – Как минимум спать будет теплее. Отец и дед сказали бы еще: пора подумать о продолжении рода. Но с кем и, главное, зачем его продолжать? Можно, конечно, осторожно прозондировать почву насчет брака с дочерью того или иного финансового туза. В общем-то дельная мысль. Все равно, конечно, придется быть куклой в руках воротил галактического бизнеса, но по крайней мере куклой ухоженной. И в отремонтированном дворце. Выбрать невесту из клана могущественного и с перспективами, предложив взамен авторитет императорской власти – величину невесомую, по сути, чисто мнимую, но ведь в теории еще существующую...

Можно нарваться на отказ, между прочим! Тогда позор, а при огласке, вероятно, отречение. В чью пользу? А в ничью. Те, у кого в руках реальная власть, вполне могут обойтись и без императора. На что им император, коль скоро империя существует лишь на пожелтевшей от времени бумаге?»

С этой горькой мыслью император уснул, а проснулся рано. Дождь кончился еще затемно, капли уже не падали в тазы, сквозь окно и тяжелые шторы просачивался шум проснувшегося мегаполиса, а из-за двери доносились голоса. Первый – дребезжащий старческий фальцет – принадлежал дворецкому, второй – звучный баритон – первому министру. Не сурраханскому министру – имперскому. Не должность, а пустой звук.

Эти двое переругивались чуть ли не в полный голос.

«Что понадобилось здесь первому министру в такую рань?»

Император зевнул и откинул одеяло. Сразу стало зябко. Ежась, император вскочил. Приплясывая босиком, стянул через голову ночную рубашку. Попрыгал на одной ноге, влезая в штаны. Стуча зубами, облачился в теплый халат. Нашарил и надел тапочки, справил малую нужду и задвинул ночную посудину ногой под кровать. Крикнул дворецкому, что он может войти, и дворецкий вошел. Поклонился.

– Желаю здравствовать вашему императорскому величеству. С добрым утром!

Император благосклонно кивнул.

– Первый министр просит аудиенции. Прикажете принять его за утренним туалетом?

– Нет. Проводи его в Земной зал. Пусть подождет. Неси умыться и подай легкий завтрак... Стой... Чего ради он явился в такую рань?

– Он утверждает, что у него конфиденциальное сообщение чрезвычайной важности, ваше императорское величество. Очень возбужден...

– Ладно, ступай.

Отвесив поклон, дворецкий засеменял прочь мелкими старческими шажками, а император повеселел. Он был заинтригован и любил быть заинтригованным, но как же редко это случалось! Если ты коронованное ничтожество, то никому нет смысла интриговать ни за тебя, ни против тебя. Живи себе, отсчитывая дни, похожие один на другой, как похожи друг на друга бациллы коклюша, до нитя в висках занимаясь тем, чем еще позволено заниматься императору. Принимай участие в торжествах, подписывай наградные листы, скрепляй своим номинальным авторитетом то, что и без таких скреп не развалилось бы... Механическая кукла справилась бы ничуть не хуже.

Неужели случилось что-то из ряда вон?..

Умываясь, утираясь, причесываясь и наскоро проглатывая завтрак, император изнывал от любопытства. Что могло произойти? Прислуживающий за столом дворецкий был безнадежен как источник информации. За окном шумел город, облачность вроде рассеивалась, вот-вот должно было выглянуть зеленоватое солнце, и было видно, как вдали опускается, нацеливаясь на пригородный космодром, грузовой звездолет. Утро как утро, ничего экстраординарного. Император уже жалел, что не назначил аудиенцию немедленно. Неужели правительство решило-таки выделить деньги на содержание императорского двора, а если решило, то сколько даст? Погасит задолженность за позапрошлый год или, может быть, выплатит всю полагающуюся сумму? Нет, второе вряд ли, таких чудес на свете не бывает...

Земной зал походил на оранжерею. Эта часть дворца, не в пример прочим частям, всегда содержалась в относительном порядке, будучи приравненной к музею общепланетного значения. Сюда порой водили послов и заезжих шишек, чтобы те ахали. Здесь были собраны образцы флоры и фауны с прародины человечества – утерянной, а вернее всего, испепеленной в войнах Земли Изначальной. Климатические установки поддерживали необходимые параметры атмосферы. Над буйно разросшимися влажными джунглями повисла сизая муссонная туча, а всего лишь в полусотне шагов жгучее солнце нещадно палило саванну. Дальше шла пустыня, за ней тянулись леса, степи, снова леса, переходящие в тундру, и наконец, полярные льды. К дорожке, по которой так приятно шагать из жары в холод и обратно, выходили животные – шедевры биомеханики тысячелетней давности, – но на саму дорожку не посягали. В воздухе летали насекомые и птицы, но первые не садились на кожу, а вторые не гадили.

Трубил слон, якобы продираясь через джунгли, а на самом деле протискиваясь так, чтобы не сломать ни одной зеленой ветки. Из безопасного болота страстно мычал безопасный крокодил. Над дорожкой, уцепившись одной лапой за сук, маятником раскачивался лохматый гиббон.

Под гиббоном терпеливо ожидал министр – лысый человечек более чем заурядной внешности. Серая мышь. За пять лет, проведенных им на своем посту, он не сделал ничего выдающегося, да и не мог сделать. Любая шавка в правительстве Сурраха была стократ сильнее первого министра распавшейся империи. Как все имперские министры, он существовал на неаккуратно выплачиваемое правительством Сурраха пособие, чем-то приторговывал, играл на бирже и черепаховых бегах, был лишен чрезмерных амбиций, взяток не брал, поскольку ему их не предлагали, и на своем посту вполне устраивал власть имущих. В прошлом он то ли проштрафился чем-то, то ли не показал должных способностей, поломал карьеру и был, наверное, счастлив, когда ему предложили эту синекуру. Странно, что не спился. Быть куклой куклы – это ли мечта честолюбца? Императору было доподлинно известно, что последние год-два министр все свободное время проводит в гипнобиблиотеке, заказывая исключительно материалы по древней истории. По меньшей мере странное хобби, но вроде безвредное...

Церемониальный поклон у министра совсем не вышел. Да что с ним такое? Улыбается... И улыбка-то шалая...

– Ваше императорское величество! – с запинкой выговорил министр, дождавшись благосклонного кивка самодержца. И вдруг выпалил: – Я знаю, как объединить империю! Я нашел!!!

Даже не пожелал монарху здравствовать. В глазах министра – император присмотрелся – напрочь отсутствовало снисходительное понимание той жалкой роли, каковую приходится играть номинальному властителю Млечного Пути и ближайших окрестностей. Напротив, глаза министра горели огнем. «Да он в восторге!» – внезапно осознал император и на всякий случай сделал шаг назад.

– В самом деле? Уж не переутомились ли вы?

– Ни в коем случае, ваше императорское величество. – Видно было, как министр титаническими усилиями сдерживает возбуждение. – Я знал, что решение существует, я всегда это чувствовал, и вот оно найдено! Я совершенно в этом уверен. Восстановление империи в масштабах Галактики возможно. Более того – в неограниченных масштабах!

Сумасшедшим он, пожалуй, не выглядел. Сумасшедшими были только его слова. Пожалуй, звонить на пост охраны было преждевременно. Пусть сначала выскажется до конца, вон как его распирает...

– Пройдемся к торосам, – предложил император. – Рассказывайте. Надеюсь, вы не предлагаете военное решение проблемы?

Забывшийся министр замахал руками так, что гиббон, качающийся над его головой, мерзко вякнул и скрылся в листве.

– Ваше императорское величество!..

Едва заметным жестом император остановил министра:

– Оставьте титулование. Покороче. Можете «выкать». У нас мало времени, и мы еще не завтракали. – Солгал, конечно, но почему бы и не солгать ради уместной предосторожности. – Мы можем уделить вам десять минут и ни секундой больше. Излагайте.

Чего император терпеть не мог, так это бессвязности в докладах со всякими эканьями и меканьями. Сейчас он с удовольствием наблюдал, как на лице министра мгновенно выступили крупные капли пота, выдавая сумбур в мыслях. С одной стороны – милостивое разрешение беседовать запросто, можно сказать, доверительно. С другой стороны – ясное дело, министр рассчитывал на более продолжительную аудиенцию. Теперь он вынужден был мгновенно переключить заготовленную речь.

И министр нашелся. Начал он, правда, с такой темы, что император удивленно приподнял бровь.

– Ваше импе... вы намереваетесь почтить своим присутствием сегодняшнюю церемонию открытия юридической академии?

– Совершенно верно. Намереваемся.

– В добрый час. – Министр настолько охамел, что, забыв этикет, осмелился одобрить действия монарха едва ли не покровительственным тоном! – Пусть эта академия станет первой ласточкой. В дальнейшем нам понадобится не одна, а сто юридических академий...

Добился – вверх поползла и вторая монаршая бровь.

– Почему?

– Нижайше прошу проявить терпение. Начну по порядку. В святом деле объединения империи военного решения быть не может. Вероятно, Сурраку по силам завоевать десять-пятнадцать звездных систем из числа слаборазвитых, но тут-то нам и конец. Сильные выждут и, когда мы выдохнемся, нанесут нам смертельный удар. Даже если этого не произойдет – все равно мы не сможем удержать завоеванные планеты. Да и в каком виде они нам достанутся после войны?!

Император чуть заметно кивнул – министр излагал вполне очевидные вещи. Более того – уже почти не болезненные. Даже у прапрапрадеда нынешнего императора слова о бессилии империи уже не могли вызвать ярость. Привык. А прадед уже начал смиряться с бессилием императорской власти в границах Сурраха.

– Но если не грубая сила, то какая общая идея может привести к воссозданию империи? – продолжал министр. – О старых имперских законах я не говорю, они размыты, оспорены, забыты и не действуют. Если бы человечество столкнулось с угрозой со стороны могущественного внешнего врага – тогда иное дело. Тогда сама логика событий заставила бы правительства и народы тысяч независимых планет вспомнить, что они когда-то были частью единого целого. Вся беда в том, что внешнего врага у нас не имеется. Среди эндемичных форм галактической жизни есть относительно развитые существа, но людям они не конкуренты...

– Предлагаете развить их и вооружить? – со странной улыбкой отреагировал император.

– Что вы! Ни в коем случае! Я мечтаю о воссоздании империи, но не такой же ценой!.. Однако где же выход? Поиск объединяющей идеи – вот что занимало меня многие годы. Внешняя опасность? Ее неоткуда взять. Галактическая торговля? Это хорошая смазка для исправно работающего механизма, но не для рассыпанных ржавых деталей... Объединяющая религия? Можно изобрести хоть сотню новых религий, но ведь мгновенно расцветет сектантство... Идея колонизации всей Вселенной? Вряд ли жителей большинства звездных систем удастся заинтересовать этой идеей – они решают свои местные проблемы... Где же выход?

По мере движения беседующих из экваториальных лесов к полярным тундрам становилось все легче дышать. Может быть, поэтому император и терпел риторику министра, повторявшего сейчас тезисы, многократно выдвинутые и отвергнутые по меньшей мере десятью последними поколениями галактических монархов. Куда ни кинь – везде клин. Ах, какая это была красота – единая галактическая империя! Какая мощь! Но куда оказалось ее применить – и разбилась чашка на мелкие осколки. Где найти клей, способный склеить ее вновь? Нет такого клея. Не изобретен и в природе не найден.

И этот наивный прожектор с бутафорским министерским портфелем отважно полагает, что он его нашел? Ну-ну...

Среди тшедушных елей и карликовых берез огромный лось принохивался к мухомору. Чуть далее биомеханический белый медведь сидел у полыньи, терпеливо карауля нерпу, и всякий раз промахивался, когда та высывала из темной воды усатую морду. В небе разгоралось полярное сияние. Сильно похолодало. Император взял министра за локоть, развернул обратно.

– Прошло две минуты. Не надо рассказывать нам, почему воссоздание империи кажется вам невозможным. Расскажите, что вы придумали.

– Алчность, – выдохнул министр и вспотел еще сильнее, несмотря на студеной ветерок с торосов. – Просто алчность. Когда невозможно воспользоваться лучшими человеческими качествами, приходится эксплуатировать худшие.

Император наморщил лоб. Куда клонит этот прожектор?

– Экономическая выгода? Но Суррах не в состоянии...

Император не договорил. Обоим было прекрасно известно, что императорская власть реально не простирается дальше дворца с протекающей крышей. И все же император поставил бы десять к одному на то, что министр назначит именно Суррах «центром кристаллизации» воссоздаваемой по его фантастическому проекту империи.

В ответ на реплику императора министр замахал руками, как будто отгоняя комарье, в чем не было нужды – висящий над тундрой гнус лишь гудел почем зря, вовсе не интересуясь людьми.

– Разумеется, Суррах не в состоянии! То есть – традиционными методами не в состоянии... Но есть и нетрадиционные...

– Подкуп?

– Увы, и это не выход. Простите, но империя не настолько богата.

Напоминать было незачем – император превосходно знал финансовое состояние империи. Для подсчета активов не потребовалось бы много времени. Даже если бы удалось взять под контроль ресурсы планеты (а кто позволит? да за одно намерение императора задавят, как муху!), это еще не стало бы началом воссоздания империи.

– Перестаньте наконец ходить вокруг да около, – сказал император сердито. – Докладывайте четко и по существу. Что вы придумали? У вас осталось семь минут.

– Придумал не я, – с деланой печалью сознался министр. – Если бы я – счел бы себя гением. К сожалению, я таковым не являюсь. Однако вашему... вам, вероятно, известно, что я провожу свободное время в исторических изысканиях?

«Свободного времени у министра вообще не должно быть», – подумал император. Мысль была древняя, реликтовая, залетевшая в голову из далекого прошлого, когда галактическая империя была взаправду галактической. Император спрятал ее и ответил с тонкой иронией:

– Мы слышаны об этом. Так вы нашли хорошо забытое старое?

– Именно! В самый корень смотрите, ваше импе... ой, прошу прощения. Идея старинная, возникла на Земле Изначальной задолго до ЭЛЭ. Идея пирамиды.

– Хеопс? – в свою очередь проявил знание древней истории император. – Нам не очень понятно, при чем тут архитектура и древний монарх с собачьим прозвищем...

– Минуту терпения, государь! Никакой архитектуры. Та пирамида, о которой я имею честь докладывать, строилась проще. Какой-нибудь умник рассылал по пяти случайным адресам пять писем с просьбой перечислить ему некоторую незначительную сумму денег. Тем же письмом он давал право своим адресатам сформировать следующую ступень пирамиды – отправить по другим пяти адресам письма аналогичного содержания. И так далее. Поступающие «снизу» деньги делились в некоторой пропорции: часть оседала на данной ступени, часть поступала «наверх». Таким образом создавался устойчивый поток денежных средств от нижних ступеней к высшим. Наибольшую выгоду, естественно, получал инициатор – тот, кто стоял на вершине пирамиды...

– А наименьшую – тот, кто внизу? – догадливо усмехнулся император. – Проще говоря, он имел одни расходы и никакой выгоды?

– Поначалу, государь, только поначалу!.. Дальнейшее зависело исключительно от его способности выстроить следующую ступень – уговорить, убедить, заинтересовать тех, кто вне

пирамиды. И пирамида постепенно росла сверху вниз, вовлекая в себя все большее число людей, пока не упиралась в естественный предел...

– Нам эта махинация кажется жульнической, – заметил император, но тон его голоса не выдавал уверенности в этом.

– В некотором роде, в некотором роде... В условиях Земли Изначальной, да и любой изолированной планеты – несомненно! Планета не резиновая, ресурсы ограничены, максимальная численность населения тоже, поэтому естественный предел будет достигнут, во-первых, неизбежно, а во-вторых, довольно быстро. Но в масштабах Вселенной, да к тому же при непрекращающейся экспансии... Пирамида будет расти вниз постоянно и вряд ли когда-нибудь остановит свой рост. За счет новых колоний правительства и народы «низовых» планет могут рассчитывать со временем повысить свой статус, а с ним и национальный доход. Безусловно, обидно быть низшей – допустим, двадцатой ступенью в двадцатиступенчатой пирамиде. Но быть двадцатой ступенью в пирамиде, состоящей, допустим, из пятидесяти ступеней, – почетно и выгодно!..

Министр говорил, а император решил больше не напоминать ему о времени. Идея была, во всяком случае, нова и небезынтересна. Пусть безумна... Не фантастична – именно безумна. Но чтобы собрать империю воедино, как раз и требовалась безумная идея. Все разумные идеи были испробованы давно и не по одному разу – всегда с комично жалким результатом...

Как бы то ни было, предложение министра стоило дослушать до конца.

Свернув на боковую дорожку, уперлись в океан. Переброшенный через него мостик из твердого вакуума был невидим. Слабо фосфоресцирующая пунктирная линия указывала направление. Впереди за океанской дымкой проступали очертания другого материка. Можно было различить вдали длинную горную гряду с парочкой курящихся вулканов и уменьшенную копию водопада Апемей.

На мостике министр ежился, избегал смотреть вниз, с величайшим недоверием ступал по твердому ничто, но речи не прервал. На красоту пампасов он не обратил никакого внимания. Проигнорировал и дурака-страуса, упорно бегающего по кругу, словно на корде, и уже вытоптавшего себе беговую дорожку, – биомеханическая кукла явно нуждалась в отладке.

– С чего начать? – Вошедший в азарт министр рубил воздух рукой. – Во-первых, никакой огласки. Только узкий круг заинтересованных лиц из числа членов правительства Сурраха. Идея не должна просочиться раньше времени – нам нужна одна пирамида в Галактике, а не несколько. Во-вторых, совершенно необходимо приобрести на Цельбаре технологию производства квазибиологических почкующихся звездолетов типа «Гидра»...

На этих словах император прервал министра, и тому пришлось выслушать мнение монарха. Вкратце оно сводилось к тому, что министр сошел с ума. Император ниш. Ах, речь идет не о нем?... Скажите, пожалуйста, насколько это упрощает дело! Да вы в курсе, что экономика Сурраха не выдержит такого удара? На Южном материке засуха, народу грозит голод. Северные районы пострадали от наводнения, и правительству опять-таки надо изыскивать средства. Новые концессии не приносят ожидаемой прибыли. Промышленность давно в застое. Новых рынков нет. Инфляция пугает. Вы что, только вчера родились?

Нет, министр родился не вчера. Самое интересное, что не выглядел он и сумасшедшим.

– И все-таки деньги необходимо изыскать, – твердо заявил он, – либо заинтересовать Цельбар иным способом. Прошу вас, государь, ознакомиться со списком лиц, которых я предлагаю привлечь к участию в проекте...

Император брезгливо принял бумагу. Читая, несколько раз тихонько хмыкнул. Кандидаты были как на подбор – все до единого честолобцы, и притом корыстолюбцы. Можно ли заинтересовать их местами в новом имперском правительстве, если произойдет чудо, и слово «империя» перестанет быть пустым звуком?

Похоже, да.

– В самом крайнем случае можно приобрести в собственность несколько звездолетов, – продолжал министр. – Цельбариты предпочитают отдавать их в аренду, но нам надо получить их в собственность. Хотя бы всего один, но такой, чтобы реально мог почковаться. Потом мы уже сами будем отдавать звездолеты в аренду с правом субаренды...

Совершенно простонародным жестом император почесал в затылке.

– Вас трудно понять... Денег нет, население нищает, дворец который год не ремонтируется, страус, вон, не отлажен, а вы о чем?.. Ну, хорошо. Допустим, мы строим пирамиду. Допустим даже, что мы залезли в неоплатные долги и достали деньги. С чего вы предлагаете начать?

– С тщательного подбора кандидатов на вторую ступень пирамиды. Предварительный список мною составлен. Эти планеты не должны быть ни чрезмерно развитыми, ни нищими. Это первое. Их правительства должны быть достаточно лояльны к империи – пусть чисто внешне. Надо показать, что лояльность щедро вознаграждается. Это второе. Далее – дипломатическая подготовка. Это самое сложное...

– Вот именно! – Император невесело усмехнулся. – Вы сами только что сказали, что нам нужна всего одна пирамида. Кто помешает правительствам планет из вашего списка воспользоваться чужой идеей? Неужели вы всерьез считаете, что у них не возникнет соблазна начать строить свою собственную пирамиду?

Император догадывался: у министра есть ответ и на это. Иначе не могло и быть – не дурак же он. Возможно, фантазер, но точно не глупец.

Не считал себя глупцом и император – притом имея на это некоторые основания. Тут было чем гордиться. Леопольд Двести Двадцать Седьмой, прямой и законный потомок длиннейшей череды императоров Млечного Пути и Магелланова Потока, потенциальная жертва бесчисленных инцестов, не был слабоумным вырожденцем. Не был, правда, и гением – всей изощренной мощи генетических технологий едва хватило на то, чтобы родить и вырастить его сравнительно нормальным человеком без особых отклонений «в минус». Об отклонениях «в плюс» речь не шла, особенно в интеллектуальной сфере. Но слабоумным император не был.

Сейчас он с удовольствием задавал вопросы министру, надеясь сбить того с толку и с не меньшим удовольствием отмечая: проект хорошо продуман. Конечно, это вполне безумная идея... но ведь может сработать! Притом если не она, тогда что? Министр был прав: ни военная сила, ни религия, ни великая и светлая цель не способны на то, на что способна вульгарная алчность. Вложить толику денежных средств, выждать, ровным счетом ничего не делая, и получить гарантированные дивиденды! Чудесно. Это именно то, чего хочется и людям, и правительствам. То, чего им всегда хотелось и будет хотеться. Вот он, без громких слов и прекраснотдушных мечтаний путь к объединению империи! К правильной империи с пирамидальной структурой! Или нет... пожалуй, это лишь первый шаг к объединению.

Но дальше дело пойдет само собой.

– Имперский авторитет! – восклицал министр. – Он остался. По сути – простите меня, государь, – остался только он. Но он может быть использован, и мы заставим его работать! Ведь начнутся споры! Скажем, сразу две планеты захотят подгрести под себя третью. Или кто-то захочет иметь под собой не пять, как мы дозволим, а пятьдесят миров. Как быть в подобных случаях? Не решать же конфликт военным путем! Пожалуйста: имперское правосудие всегда к услугам спорящих сторон. Тяжбы о приоритете, тяжбы финансовые, аудит – всё за нами. Поэтому, как я уже говорил, нам со временем понадобится не одна юридическая академия, а сто. Разумеется, верховную судебную власть будет осуществлять император и назначенные им лица. Таким образом, построив имперскую пирамиду на голой выгоде, мы очень скоро скрепим ее, как цементом, единой системой правосудия. Это работает. Кстати, у нас прибавится еще одна статья доходов – плата за судебные издержки. Мы решим проблему занятости. Я уже предвижу тот день, когда каждый житель Сурраха, имеющий хоть каплю мозгов в голове, станет юристом... Ну а если кто-то вместо обращения в имперский суд рискнет начать войну – мы

сумеет наказать такого прыткого. За льготы в выплатах или место на ступень выше кто угодно предоставит нам парочку космических эскадр...

– Ну и сколько же мы будем брать с наших непосредственных вассалов? – спросил император, невольно улыбаясь. – Какую-либо фиксированную сумму? Очень хорошо. В Галактике сама собой установится единая валюта.

– Простите, но я предложил бы брать определенный процент от национального дохода, – несколько извиняющимся тоном возразил министр. – Скажем, пять процентов. Все-таки уровень доходов у всех разный, часто даже очень разный... Кроме того, планета-сеньор, получив слабо развитую планету-вассала, будет пытаться поднять ее доходы. Это в ее прямых интересах.

– И в интересах империи, – заметил император, улыбнувшись еще шире.

– Безусловно! – просиял и министр.

Он уже не потел. Ветер пампасов высушил его череп. Но глаза сияли прежним лихорадочным блеском.

Ни слова не говоря, монарх тронулся в обратный путь через океан. Под невидимым мостом всплыл из синей глубины острый плавник какой-то твари, показался во впадине между волнами и вновь затонул.

Было о чем подумать. Безумная идея министра обещала в перспективе многое. Да что там многое – она обещала попросту всё! За так. То есть не совсем, конечно, даром, и первоначальные расходы будут чрезвычайно обременительны, – но потом!.. Но в перспективе!..

Империя во всем ее блеске! Единая человеческая империя во Вселенной! Воскресшая из праха, как та птица... как там ее? Фендрик, что ли? Или Фенек? Ну, не важно... От желающих присоединиться к империи отбоя не будет. Они кинутся толпами, обгоняя, отталкивая и оттирая друг друга, потому что замешкавшемуся достанется место ступенью ниже. А то и двумя...

И все же метод самосборки имперской пирамиды смущал монарха. Но ведь другого метода нет и, похоже, не предвидится...

Пока собеседники прогуливались по ту сторону океана, в джунглях успел пролиться дождь. Алмазами сверкали капли. На лиане, обвившей ствол железного дерева, распустились цветы. Рогатый хамелеон сидел на ветке, маскируясь под корявый нарост. Большой питон струился по ветвям, следя остановившимся взглядом за давешним гиббоном. Под пестрой шкурой перекачивались желваки мышц. Заметив рептилию, гиббон живо вознесся в крону и оттуда заверещал пронзительно.

Куклы... Кукле-гиббону не грозила смертельная опасность, а кукла-питон не нуждалась в пище. Одна видимость. Не станет ли предлагаемая пирамида точно такой же видимостью империи?

«Пусть так, – подумал император. – Но это много лучше, чем ничего. Это начало. Для начала пусть будет хотя бы видимость, а о дальнейшем пусть позаботятся потомки».

– Давайте ваш список кандидатов, – обернулся он к министру, неслышно ступающему на полшага позади. – На пятнадцать часов назначаю заседание Малого Совета. Там и обсудим ваш проект. Можете рассчитывать на мою поддержку.

И отпустил счастливого министра мановением руки.

* * *

Так все это было или не совсем так, мы не знаем, как никогда не узнаем, какими словами строитель Имхотеп склонял фараона Джосера к возведению первой из когда-либо построенных людьми пирамид. Известно только, что большинство историков сошлись во мнении: это *могло* быть так. Мы же, со своей стороны, если и присочинили что-то, то, право же, немного. Да и не важно это. Куда важнее другое: уже следующий император, а именно Леопольд Двести Двадцать Восьмой, был коронован в великолепнейшем храме, выстроенном на собственные

средства, и принимал поздравления великого множества вассалов, слетевшихся на Суррах с тысяч планет, в новой императорской резиденции, увидев которую лучший поэт воссозданной империи Титар Светозарный онемел, осознал невозможность описать величие и красоту постройки и поклялся больше никогда в жизни ничего не рифмовать.

Да и могло ли, судите сами, быть иначе, если Суррах стал вершиной имперской пирамиды, еще даже не достроенной, а император – драгоценным алмазом на ее маковке? Если алчность – прав был министр! – действительно великолепный движитель и привод? И пусть тот министр был в конце концов сгноен в тюрьме за злоупотребления, а еще потому, что чересчур много о себе возомнил, – все равно он был прав. Разум, совесть, честь, любовь – прекрасные слова и еще лучшие понятия, кто станет спорить, но ведь не из них же строятся имперские пирамиды!

Нет, не из них.

Глава 3. Вербовка

– Почкуйся.

Звездолет молчал. Ларсен повторил приказ.

– Хозяин...

– Что «хозяин»? Почковаться будешь, нет?

Ларсену показалось, что корабль тихонько охнул.

– Это приказ?

– Когда это я с тобой шутил? Разумеется, это приказ. Выполняй.

Теперь Ларсен мог бы поклясться: звездолет тяжело вздохнул. Как можно вздохнуть, не имея легких? А вот можно. Звездолет был стар и многому научился от всевозможных форм жизни. Людей он понимал особенно хорошо.

И все-таки на что-то надеялся.

– Осмелюсь напомнить: почкование сократит мой ресурс...

– Я знаю.

– ...и я не гарантирую, что параметры зародыша будут полностью соответствовать техническим требованиям...

– Что значит не гарантируешь?!

Ларсен прибавил несколько непечатных слов. Звездолет, конечно, не врал, он не умел врать, зато в совершенстве знал множество галактических наречий и на каждом из них мог состряпать фразу, способную ввести в заблуждение не очень дотошного слушателя. Общеимперский язык не был исключением в смысле тонкостей семантики. В данном случае «не гарантирую» могло означать «могу гарантировать, но не хочу, надеюсь, что хозяин передумает».

– Выполняй! И не забудь распечатать документацию.

– Слушаюсь, хозяин...

Все было ясно умудренному жизнью космическому волку: звездолету просто-напросто не хотелось умирать. С квазиживыми механизмами это порой случается. Некоторые из них даже воображают, будто имеют право на собственное мнение. Возможно, инженеры напрасно не вложили в разум звездолета начатки религии, внятно объясняющей, что гордыня – грех, а смирение – благо.

Ларсен знал: если беречь звездолет, он может прослужить еще лет десять. Но как, черт возьми, беречь его, если профессия вербовщика то и дело вынуждает стремительно бросать корабль из одного спирального рукава Галактики в другой, да еще и заставлять его почковаться значительно чаще, чем рекомендовано?

Нельзя его беречь. Невозможно. Корабль может быть призовым скакуном, недурным собеседником и источником развлечений во время дальних рейсов, верным слугой и так далее, но кто делает его другом, а не расходным материалом, тот попросту идиот. И все же Ларсен ощущал тяжесть утраты... так, чуть-чуть.

Теперь уже ничего нельзя было поделать. Звездолет отпочкует от себя последнего потомка, после чего будет выведен на орбиту и получит приказ самоликвидироваться. Жестоко позволять кораблю медленно умирать в одиночестве. Еще хуже отдать его неумытым туземцам. Пусть умрет быстро. Ведь останется его потомок. Переговоры о присоединении этой планеты к империи проведены успешно, заказ Рагабара выполнен. Дело за малым – получить заказ от правительства Зяби. Все хорошо.

Но, черт возьми, сколько же времени пройдет, прежде чем новый звездолет подрастет, будет объезжен и возмужает?! При мысли о том, что придется застрять на Зяби надолго, Ларсен тихонько рычал.

Ну и планета!..

То, что через нее некогда прокатилась не одна галактическая война, было еще полбеда. Странно, что планета вообще уцелела. То, что генетические эксперименты тысячелетней давности и мутации привели к появлению диковинных тварей, вообще не беда. Скитаясь по Галактике, Ларсен повидал и не такое. Но что здесь творилось с людьми?!

Они не вымерли. Даже не одичали. Просто перестали интересоваться чем-либо, кроме надела земли, семьи, скотины и самых насущных потребностей. Если и задирали порой головы вверх, то лишь с целью поинтересоваться, не собирается ли дождь.

Прибыв на Зябь, Ларсен посадил звездолет на местном космодроме. Обычно такого рода сооружения хорошо видны с орбиты – конечно, если не закрыты облаками, – но тут внизу проплывали только пустоши, возделанные поля, селения, вновь поля и опять пустоши. В эфире не звучал голос диспетчера, радиомаяк – и тот отсутствовал. Корабль переворошил всю свою память и ничем не сумел помочь. В конце концов Ларсен принял решение опуститься на поле близ самого крупного на планете населенного пункта, в котором заподозрил столицу.

Оказалось – угадал. Это была именно столица, а поле оказалось действительно тем, что туземцы в простоте душевной называли космодромом. Изредка Зябь навещали космические торговцы, они знали, где совершать посадку, а прочими любителями странствовать в космосе местное правительство не интересовалось. Это поведал Ларсену на ужасном языке добродушный малый, пасший на окраине поля стадо коров, каждая из которых таскала на себе по два вымени. Поведал – и ничуть не удивился межзвездному гостю, даже не спросил, привез ли гость на продажу что-нибудь редкое или запрещенное. Мол, эка невидаль – космический корабль! Подумаешь! Делать людям нечего, вот они и шныряют туда-сюда по небу...

Ларсен остался в убеждении: абориген воображает, что до ближайшей населенной планеты лишь немногим дальше, чем до ближайшего к столице города, где абориген тоже никогда не бывал. Меж тем туземец лег в траву, поерзал, устраиваясь поудобнее, шумно почесался, зевнул и стал спать. Как ни хотелось Ларсену пнуть его ногой под ребра, он сдержал порыв. К тому же на окраине поля зоркий глаз космического волка заметил два-три неказистых сооружения – вероятно, грузовой терминал и паспортный контроль.

Терминал, похожий на амбар, действительно был. Контроля – ни малейшего. Никто не потребовал плату за посадку и пребывание на планете, никто не поинтересовался, кто таков приезжий и какого рожна ему здесь надо. Все больше поражаясь и понемногу сатанея, Ларсен заявил, что желает встречи с членами правительства планеты.

Ох, сколько раз в ответ на такие речи он слышал издевательский смех! Сколько раз он терял массу драгоценного времени, пробиваясь на прием к тем, кто действительно способен что-то решить, через многочисленные, построенные по всем правилам фортификации бюрократические бастионы!

Но то на развитых планетах. Тут – ничуть не бывало. Скучающий служащий кратко объяснил, как и что, после чего мирно задремал – ну, хоть на стуле, а не в траве, и на том спасибо.

До столицы, носящей гордое название Пупыри, пришлось добираться на попутной телеге, запряженной неким копытным животным, давным-давно вымершим во всех приличных мирах. Животное привлекало мух и отмахивало их хвостом на возницу и Ларсена. В Пупырях не составило труда найти помпезное по туземным меркам здание Совета архистарейшин. Обстановка внутри напоминала приемную не крупного муниципального чиновника на какой-нибудь приличной планете. Никто не ставил Ларсену препон, но никто и не встречал его с распростертыми объятиями. Слова об инопланетном госте, собирающемся сделать Совету предложение чрезвычайной важности, не возымели на секретаря никакого действия. Стоило чуть-чуть повысить голос – мигом появился полицейский. Ларсену пришлось долго ждать в приемной в очереди вместе с туземцами обоих полов. Туземцы тарасились на гостя. Гость злился и мужественно страдал.

Всем известно: комплекс неполноценности туземцев всегда оборачивается против цивилизованных чужестранцев. Помурыжили нездешнего лощеного гуся, сбили с него спесь – вот и полегчало на туземной душе. Ларсен даже удивился, когда дежурный архистарейшина принял его всего-навсего после двух часов ожидания в приемной.

Он был готов ко всему. В прошлом ему много раз пытались дурить голову, мучили бесконечными проволочками, даже пытались арестовать – всякое бывало. На Зяби дело поначалу двинулось в благоприятном направлении.

Так казалось.

Во всяком случае, дежурный архистарейшина внимательно выслушал Ларсена, счел его дело заслуживающим рассмотрения полным составом Совета и назначил время слушания. Спокойно, деловито, без проволочек.

Переночевав в гостинице, Ларсен уже на следующий день предстал перед Советом архистарейшин. Такого количества живых трупов в одном месте он еще не видывал. Многие пользовались слуховыми трубками. Шестеро передвигались в инвалидных креслах. Трое уснули, едва заняв места в зале.

Рассказав о пользе, которую может извлечь Зябь, присоединившись к имперской пирамиде, Ларсен изложил свое предложение: поскольку вербовка, не говоря уже о космических полетах, дело для зябиан совершенно новое, а рифы и мели на этом пути коварны и многочисленны, он готов предложить свои услуги по сходной цене: пять процентов со всех будущих доходов на пятьдесят лет вперед. При этих словах старцы беспокойно зашевелились, а один из спящих проснулся. До Ларсена донеслись слова: «ну, дает!» и «губа не дура».

Меньше всего его могла смутить такая реакция аборигенов. Окинув собрание орлиным взором, он произнес энергичную речь. Она была написана еще дедом Ларсена, одним из первых вольных вербовщиков в Галактике, отшлифована отцом и доведена до совершенства самим Ларсеном. Пришлось лишь внести в нее небольшие поправки с учетом местной специфики, как то: рубить длинные фразы на части и не употреблять чересчур мудреных слов. Старцы внимали. Проснувшийся зевнул и вновь задремал. Секретарь в углу делал пометки.

Казалось, дело идет на лад. Ларсен старался. Рассказать о наиболее вопиющих случаях из истории строительства имперской пирамиды, о нескольких планетах, попавших в кабалу исключительно по глупости их правителей, и выставить себя благодетелем – дело нехитрое. Шрам поперек лица, который Ларсен нарочно не сводил, и большая кобура на широком поясе входили в образ настоящего космического волка и вообще человека бывалого. Нужны справки о личности благодетеля? Пожалуйста, вот рекомендации от правительств, которым Ларсен оказал неоценимые услуги. Если имеются сомнения в подлинности бумаг, то нет ничего проще слетать и проверить...

Примерно в половине случаев это действовало. Лететь зябианам было пока не на чем, средствами гиперпространственной коммуникации планета не обладала, проверить подлинность документов было невозможно. Оставалось лишь дивиться тому, какими лопухими ослиами подчас бывают правители отсталых планет.

Казалось, сработало и на сей раз. Архистарейшины Зяби выслушали предложение, не выставив Ларсена вон. Ответ обещали дать через несколько дней.

Назавтра прибыли те самые вербовщики, что поили забулдыгу на ЕТХ125, и тоже сразу рванули в столицу. Вернулись злые и вызвали Ларсена на честный кулачный бой. Ларсен отсиделся в звездолете, справедливо подозревая, что «честный» бой в понимании конкурентов – это когда трое на одного. Потом за одним из неудачников погнался бык, другой вляпался в навозную лепеху, третий получил по уху, наступив на голову спящему в траве пастуху, и вся троица, высказав о планете нелестное мнение в энергичных словах, погрузилась в свой корабль и отбыла восвояси. Ларсен не ликовал, но был доволен. Судя по всему, архистарей-

шины, пообещав иметь дело только с ним, с порога завернули следующих. Ну и пусть лохи катятся ко всем чертям.

Однако что же это за планета, а? Что за люди? Выходит, туземцы не чужды первобытных представлений о чести и слово держат? Да, пожалуй, так и выходит.

Это хорошо, решил Ларсен. Это очень хорошо, решил он, заключив спустя обещанное время договор о присоединении Зяби к имперской пирамиде как экономического вассала планеты Рагабар. Поднявшись на орбиту, Ларсен оставил там заявочный буй в знак того, что Зябь – часть пирамиды, и вернулся назад. Теперь оставалось лишь добиться от архистарейшин подряда на вербовку пяти планет – будущих вассалов Зяби.

Естественно, не даром. Сказать по чести, Ларсен не очень-то надеялся на пять процентов от дани, которую Зябь будет взимать с новых вассалов. Предстоял долгий торг с архистарейшинами. С хмурым видом и ликованием в душе Ларсен согласился бы и на один процент в течение десяти лет – все равно это были громадные деньги. Он не сомневался, что дело выгорит.

Но договор не мог вступить в силу, пока Зябь не получила свой звездолет.

– Эй! Ты почкуешься?

– Почкуюсь, хозяин.

– Что-то не вижу.

– Терпение, хозяин...

Ларсену показалось, что последние слова корабль произнес жалобным тоном. А должен был – виноватым, извиняющимся! В другое время Ларсен приструнил бы нахала, но не сейчас. Пусть болтает что угодно и как угодно, лишь бы почковался. А терпения вольному вербовщику не занимать.

Профессия такая.

Глава 4. Цезарь Спица, беспризорный

Нет хуже животного, чем слон, если не считать плюющих крыс, это я вам точно говорю. Слоны перебегают дорогу всегда неожиданно, поэтому в деревнях я снижаю скорость. В предместьях Земноводска крестьяне выращивают слонов на мясо и кожу и держат их не в загонах, а позволяют дурным зверушкам бродить где попало, поэтому слонов, меченных краской, слоняется по улицам видимо-невидимо. Большей частью, конечно, они толкутся в канавах, где трава сочнее, но и на проезжей части их порой бывает не меньше, чем мух на дохлой рыбе. Слон – глупое животное, кенгуролики и то умнее. Если он к тебе пристанет сдуру, чтобы боднуть клыками между коленом и лодыжкой, а ты поймаешь его за хобот и отправишь в полет через ближайший забор, никто из деревенских тебе худого слова не скажет, разве что проводит слона взглядом да присвистнет: хорошо, мол, пошел. Но если ненароком переедешь слона колесом – это совсем другое дело. Тут уж жми на педаль до упора и поскорее выметайся из деревни вон, потому что владелец тотчас выскочит с руганью и потребует заплатить за дохлятину. Чем всякий раз выкручиваться из переделок, лучше в них вовсе не попадать, это я давно понял.

Не я попадаю в них – они в меня. Только я в этом не виноват.

Земноводска мне было никак не миновать, тут всего одна годная для механической повозки дорога, и идет она, вестимо, через центр города. Задерживаться в нем и знакомиться с местной полицией мне как-то не хотелось. По этой причине, чуть только вокруг меня замелькали настоящие городские дома, иные аж в два этажа ростом, а огороды со всходами брюквы и топинамбура сменились палисадниками, я как следует наддал.

Двигатель завыл, затрясло сильнее, дома и заборы так и замелькали. На таких заборчиках перед палисадниками обыватели по зимней поре вывешивают на ночь перины и тюфяки, чтобы вымораживать из них клопов, так что я и зимой по ночам не особенно мерз, если не удавалось забраться на чей-нибудь сеновал. Спать между двумя перинами в чужом палисаднике и тепло, и мягко, а что до мелкой живности вроде клопов, то ее и не замечаешь, если как следует намаялся за день. Не надо только нежиться до рассвета, чтобы не знакомиться с хозяином перины.

Впрочем, сейчас был, во-первых, полдень, а во-вторых, поздняя весна, так что глядеть на заборы мне было не больно-то интересно. Тут знай себе гони да следи, чтобы колесо не попало в колдобину. Я следил. Прохожие – к счастью, их было мало, – отскакивали в стороны. Собаки, затеявшие было меня преследовать, наглотались дыма, расчихались и отстали. Ветер пел в ушах.

И нате вам – слон. Быть может, он удирал от кота, но я никого не разглядел. Думаю, не было там никакого кота, просто слон был ничейный, бродячий и, стало быть, не просто дурак, как все слоны, а дурак оголтелый, первосортный. Очень шустрый вдобавок. Хобот задрал да как дернет поперек дороги!..

Мне бы спокойно давить его и мчать дальше, а я от неожиданности сплеховал. Руль – вбок, по тормозам – бац! Поздно. Торчал там сбоку какой-то не то обелиск, не то столп исторического значения, местная достопримечательность, больше всего смахивающая на обгрызенный початок, и от этого початка я даже не попытался увернуться. Уже некогда было пытаться.

Крак! Трах! Бу-бу-бух!..

У меня звезды перед глазами запрыгали, когда я врезался в обелиск. Пока они прыгали, я успел сообразить, что торчать тут мне вовсе не резон, а надо выскакивать из кабины и уходить палисадниками, проулками, огородами, чем угодно, только подальше отсюда. Что поделаешь, иногда приходится бегать, а не ездить. Жизнь вообще несправедлива. Но только я спрыгнул на землю, как – цап! – чья-то невежливая рука вцепилась мне в воротник. Я рванул. Воротник затрещал, и тут же я был крепко схвачен за ухо – до того больно, что аж слезы навернулись.

Ухо не воротник, с ним расставаться жалко. Я присмирел и скопил как мог глаза. Так и есть – полицейский. С во-от такими ручищами и мордой что медная сковородка.

Покрутил он мне ухо, чтобы ему, а заодно и мне жизнь медом не казалась, и я, как полагається, вопил писклявым голосом, а потом он кончил крутить, приблизил ко мне свою медную сковородку, подышал немного в лицо, поворачивал глазами для страха и спрашивает:

– У кого ты украл этот самодвижущийся экипаж?

– Я его не крал, – отвечаю. – Ай!

«Ай» вышло уже не притворное – на этот раз полицейский крутанул мне ухо от души. Я думал, оторвет совсем.

– Не крал? Да ну?

– Честное слово, дядя полицейский! – Тут я зашмыгал носом как можно убедительнее и подпустил слезу в голос. – Не крал я! Я и ехать-то на этом чудище не хотел, оно само поехало...

– Рассказывай сказки! Так-таки и само?

– Точно вам говорю! Я только протирал рычаги, хозяин мне велел кабину изнутри почистить, а машина возьми, да и помчи что есть силы! Уж страху я натерпелся! Спасибо этому столбу, не то завезло бы меня куда-нибудь в болото... Ай!

Чувствую, ухо уже распухло и горит пламенем, а этот медномордый знай крутит его, словно часы заводит. Видать, понравилось. Чертов фараон. Они через одного такие. А которые не такие, те еще хуже.

– Какой это тебе столб? – рычит. – Я тебе покажу столб! А ну, пошли.

Тут я заревел в голос, у меня, если очень надо, это здорово получается, даже когда мне ухо не крутят. На некоторых действует, порой даже на полицию. Да только не на здешнюю. Я не очень-то и надеялся.

Ладно, пошли в участок. То есть он пошел, а меня поволок за шкурку. Спасибо, хоть ухо отпустил. Я ревел, размазывал сопли и не трепыхался, думал, улизну как-нибудь, чуть только медномордый отвлечется и ослабит хватку. Для этого лучше всего, если какой-нибудь сердобольный прохожий вступится за мальчика и оттянет на себя внимание, так что рыдал я вовсю, почти что сам себе поверил. Однако не помогло: прохожие-то были, да так никто и не вступился. Одно слово – городские. Знаю я их: заносчивые бездельники, а все потому, что не ковыряются в земле и умываются чуть ли не каждый день. Не пойму: столб этот им, что ли, так дорог? Да о него хоть трижды в день бей самодвижущиеся повозки, он от того хуже не станет.

Я все-таки рванулся – как раз на ступеньках перед дверью казенного дома, – да только зря. Воротник выдержал, а полицейский, к восторгу прохожих, схватил меня другой рукой еще и за штаны и в таком виде втащил внутрь. Кто-то из зрителей обидно заржал – то есть он думал, что обидно, а я на такие вещи плюю, не стоят они того. Мне просто стало досадно, что воротник оказался крепче, чем нужно, и немного взгрустнулось, но только на одну минуту. Как оказался в клетушке за бамбуковой решеткой, так и начал думать. Не впервой, чай. В здешний участок я, правда, еще не попадал, но это, пожалуй, и к лучшему. Решил держаться старой версии. Скулю потихоньку, носом шмыгаю, слезы по щекам размазываю, а сам украдкой смотрю на дежурное начальство. Сидит за барьером этакий пожилой дядька строгого вида, при полном мундире, только без фуражки, бумаги какие-то перебирает. Прочтет одну, бросит на стол и давай другую читать, а на меня не смотрит. Ну, это ничего. Хуже, когда молодой и с виду веселый – значит внутри тот еще душегуб. Все идет к тому, что получу я в этом городе десять розог и пинка под зад. В худшем случае дознаются, откуда я ушел, и отправят с охраной обратно, а по дороге я десять раз успею смыться.

Это я так думал, а на деле вышло по-другому. Но не сразу. Минут через десять дядька отвлекся от бумаг, почесал нарождающуюся плешь и в первый раз взглянул на меня. Что хуже всего – с интересом. Словно я экспонат какой. А ну, говорит, давай его сюда.

Это он не медномордому сказал, медномордый ушел обратно на улицу, надо думать, к разбитой машине, – а другому полицейскому, помоложе. Тот отпер решетчатую дверь, велел мне повернуться к нему спиной, надел наручники и подвел к дежурному начальству. Если бы не письменный стол между дежурным начальством и барьером и не мои наручники, совсем можно было бы подумать, что дело происходит в баре, причем я бармен, а дядька-полицейский вот-вот закажет два по сто и соленый огурец.

– Имя? Прозвище? Возраст? Кто родители?

– Аристарх, – отвечаю с готовностью, не забывая всхлипывать. – Аристарх Муха, родителей не помню. Сирота я, дяденька, а лет мне двенадцать...

Многие верят, что и впрямь двенадцать, потому что я ростом не вышел. Конечно, я не надеялся смутить полицию своим малолетством, не те это люди. Фараоны чертовы. Копы. Менты. Мусора. Альгвазилы и прочие земские ярыжки. Их на Зяби не так уж много, если не считать границы с Дурными землями, но и количество тех, что есть, по моему глубокому убеждению, следовало бы уполовинить.

Само собой, этих мыслей я на лице не отразил. Стою, слезу смаргиваю, глаза долу опустил, а запястьями не шевелю – затылком чувствую, что молодой полицейский торчит прямо за моей спиной. Вот если бы он куда-нибудь делся, я бы, конечно, попробовал вывернуть кисти рук из наручников. Я уже раз десять использовал этот трюк, потому что кости у меня тонкие и суставы хорошо разработаны. Да и рассчитаны наручники на взрослых.

– Как же ты, Аристарх Муха, оказался в самодвижущемся экипаже? – спросил плешивый дежурный, ласково так спросил и даже к барьеру поближе придвинулся, пузом на стол навалился, как бы предвкушая занимательный рассказ. Знаю я эти полицейские приемчики. Однако рассказал все с самого начала: мол, отдали меня из приюта на воспитание одному богатому фермеру в Непролазовском уезде, он ничего оказался, то есть не уезд ничего, а хозяин, справедливый и добрый, не бил меня и кормил вдоволь. Да вот сегодня утром завел он машину, чтобы в Таракановку ехать, а мне велел кабину тряпкой протереть от пыли. Только я в кабину влез, а машина как помчит...

– Ай-ай-ай, – понимающе покивал полицейский. – Значит, экипаж сам собой поехал, а ты его остановить не мог?

– Точно так, – сказал я, а у самого предчувствие – ну хуже некуда. – Наверное, я рычаг какой-нибудь нечаянно задел. А потом только и успевал руль вертеть. Ужас как устал.

– От самого Непролазовского уезда ехал, значит?

– Ага. Вы бы отпустили меня, дядя полицейский. Мне от хозяина и без того попадет...

– От Непролазовского уезда до Земноводска – на одной заправке?

Тут я понял, что дал здоровенного маху. Действительно, в дровяной газогенератор столько древесных отходов нипочем не влезет, как их ни трамбуй. Не врать же, в самом деле, что по пути я-де срывал ветки и шишки, мчась на полной скорости, и пихал их в бункер, не переставая рулить!

Так и не дождался плешивый ответа, а когда понял, что я теперь просто так не разговарюсь, перевернул верхний листок из тех, что лежали перед ним, и давай читать вслух.

– Цезарь Спица, возраст – четырнадцать лет, но выглядит моложе, худощав, волосы цвета мокрой соломы, прямые, цвет глаз – серый, нос обыкновенный, уши слегка оттопырены, особые приметы: маленькая родинка на подбородке. Девятнадцать побегов из воспитательных домов и исправительных учреждений для малолетних преступников. В серьезных преступлениях с доказанными корыстными мотивами не замечен... пока. В ориентировке на тебя отмечена склонность к бродячей жизни и, как ни удивительно, к технике. Ну как, будем снимать отпечатки пальцев или так сознаешься?

Я сознался. Когда влипаешь по-крупному, порой лучше подыграть начальству, чтобы оно расслабилось. Всем и каждому этот метод не посоветую, но мне он подчас помогал.

– Не девятнадцать побегов, а всего семнадцать, – поправил я не очень довольным голосом, изображая похвальную скромность и надеясь, что это развеселит плешивого. На самом деле побегов было тридцать восемь, если считать те случаи, когда я бывал зарегистрирован в полиции под вымышленным именем или вообще давал тягу еще до регистрации, – но плешивому об этом было незачем знать.

Он и вправду слегка развеселился. Хмыкнул, покрутил головой, а потом уставился на меня с прищуром.

– Скажи, пожалуйста, какая разница – семнадцать, девятнадцать... Это уже прошлое. А вот теперь ты влип крепко. Самодвижущийся экипаж ты угнал в Мелкой Луже у городского головы. Сегодня утром. Зачем?

– Так... Покататься захотелось.

– Гм... Другому не поверил бы, а тебе вынужден верить. – Он поднял бумажку, пошарил по ней глазами и вернул в стопку. – За тобой числятся шесть угонов механических транспортных средств. На самом деле их, конечно, больше. Всякий раз ты не пытался продать угнанное, а просто бросал. Что разумно. Механические повозки все на виду, продать их трудно. В итоге все они были возвращены владельцам. При этом угонов скота за тобой не замечено, несмотря на то что с его продажей было бы куда меньше проблем. В чем тут дело, не подскажешь?

– Вот еще – продавать! – возмутился я почти искренне. – Вор я, что ли?

– А угон повозок – не воровство?

– Скажете тоже! Конечно, нет. Их же вернули.

– Несомненно. И эту вернут, но в каком виде? Кстати, закону почти все равно, ради чего ты угнал повозку. Угон есть угон, тебе ли не знать. Следовательно, налицо сразу три покое-нарушения: угон самодвижущейся повозки, ее умышленное повреждение и умышленное же повреждение памятника старины общепланетного значения. Тебе есть что сказать?

– Еще бы нет! – возмутился я. – С чего бы все эти повреждения умышленные? Вы это сначала докажите!

– Доказывают не здесь. Доказывают в суде старейшин. Да, парень, теперь ты влип крепко. Суда тебе не избежать.

Если бы он просто пугал меня, я бы не взбеленился. Но вижу: не пугает. Суд старейшин – это плохо. Во всех округах туда подбирают самых заскорузлых пеньков, и пощады от них не жди.

– А кстати, – говорит дежурный, – тебе уже исполнилось четырнадцать?

– Не знаю, – отвечаю я, понимая, куда он клонит. – Нет, наверное.

– Вот тут написано, что уже исполнилось. Поздравляю, ты уже взрослый. Значит, правило «не больше сорока девяти ударов» на тебя не распространяется. Осознал?

Еще бы не осознать. Не только исполосуют всю задницу и спину в придачу, но светит мне и каторга, года три, не меньше. Если совсем не повезет, то на границе с Дурными землями среди уродов.

Тут я просто решил молчать. Вижу: давить на жалость бесполезно, а спорить незачем. Послушаю, что еще плешивый скажет, а пока изображу покорность судьбе.

А плешивый сказал:

– Да знаешь ли ты, дурья твоя голова, во что ты врезался на угнанной повозке?

Молчу.

– Отвечай, когда спрашивают!

– Не знаю, – говорю. – Вроде в столб какой-то. Или он обелиск?

– Этот обелиск, олух ты этакий, есть не что иное, как часть носовой надстройки «Землянина», бесценная реликвия народа Зяби! О «Землянине» ты, надеюсь, слышал?

Я мысленно увеличил срок моей каторги с трех до пяти лет. Кто не слышал о «Землянине»? Этот корабль доставил первых поселенцев на Зябь, только было это чуть ли не до

Потопа. Не то десять тысяч лет назад, не то все пятнадцать. Жуткие цифры. Всякий нормальный человек поморгает, увидев их, и не поймет, для чего они нужны, такие большие. На Зяби редко найдешь человека, умеющего считать хотя бы до ста.

Но о «Землянине» знает каждый. И о столбовидной реликвии, наверное, тоже. Главное, ведь я и сам когда-то знал, что она стоит в Земноводске, знал, да забыл. У меня голова вообще так устроена, что нужное в ней застревает надолго, а на ненужное я плевать хотел. Тем более во время быстрой езды, и особенно когда слоны так и суются под колеса.

Вижу: плохи мои дела. Сейчас этот плешивый отправит меня в камеру – и сиди там на баланде из брюквы, дожидайся суда старейшин. Ну да авось что-нибудь придумаю...

Пока что думали за меня. Наручники сняли. Камера оказалась на удивление – и просторная, и не душная, и персональная. На одного. Койка всего одна – значит точно одиночка. Чудеса. Это что же, я в местной тюрьме единственный задержанный, что ли? Вот уж вряд ли: Земноводск, конечно, не столица, но все же большой город, и народу в нем толчется достаточно, а где народ, там и покоенарушения. Версию насчет того, что я настолько важная персона, что достоин отдельной камеры, я даже не стал рассматривать. Что же тогда? Наверное, случайность...

Окошко было высоко, а когда, подтащив койку, я все-таки до него дотянулся, оказалось, что оно мне не в помощь: прутья железные и толстые, такие за сто лет не расшатаетесь. Да и не было за окном ничего особо притягательного – внутренний дворик тюрьмы. Я так и знал.

Второй раз я удивился, когда надзиратель принес мне поесть. Баланда оказалась первый сорт, меня ни в одном воспитательном доме так сытно не кормили, не говоря уже о тюрьмах. С мясом баланда – ух! Наверное, с искусственным, но я все равно съел все дочиста и миску вылизал. Чуток вздремнул и стал скучать.

Один раз арестантов вывели на прогулку во внутренний дворик, и я посмотрел на них сквозь решетку. Меня не вывели. Другой раз где-то на улице отвратно заорал слон, и я решил, что кто-нибудь его все-таки переехал. Мне почему-то казалось, что это тот самый слон, из-за которого я здесь сижу. Так ему и надо. В сумерках на церковной звоннице застучали в рельс – созывали прихожан на вечернюю службу. А больше никаких развлечений не было до самого утра, если не считать клопов в тюфяке. Клопы, конечно, были, как же без них. Притом голодные. Клоп по доброй воле морить себя голодом не станет и, как всякая скотинка, пище рад, а в эту камеру, видать, давно никого не сажали.

Для кого же ее берегли?

А когда наутро, весь в укусах и расчесах, я предстал уже не перед дежурным полицейским, а ни много ни мало перед начальником участка, то оказалось, что все-таки для меня. Начальник был пузат и строг. От строгости он надувался еще больше. На его китель пошло столько материи, что мне хватило бы завернуться в нее три раза и еще место осталось бы.

– Цезарь Спица? – спросил он с каким-то клокотанием изнутри. Знамо дело, когда у человека такой объем, внутри что хочешь поместится, так что клокотать там есть чему.

Я подтвердил: Цезарь, мол. Спица. На жалость уже не давил: раз этот номер не прошел вчера, то не пройдет и сегодня.

Он оглядел меня сверху донизу, выразил на толстой морде великое сомнение и обратился к дежурному – не вчерашнему плешивому, а уже другому:

– Телеграмма из Пупырей пришла?

– Так точно, пришла. Приказано незамедлительно этапировать этого, – кивок в мою сторону, – в столицу. Признан годным.

– Я так и знал! – И начальник аж воссиял весь от своей догадливости, как начищенный таз на солнце, хотя всякому было видно: ни черта он не знал. – Раз незамедлительно, то сегодня же и этапирuem. Пиши сопроводительную.

Дежурный так и пошел строчить, а я стою смиренно, моргаю и даже не думаю, как бы удрать, потому что на меня снова надели браслеты, а в них пускаться в бега несподручно, я уже пробовал. Стою и размышляю: к чему это я признан годным? И зачем я понадобился в столице? Там и без меня людей хватает. Там вообще много чего есть, имеется даже космодром, в смысле, луг, который считается космодромом и на который изредка садится торговый корабль, прошлой осенью он, кстати, прилетал, а в обычное время на том лугу пасется скот. И конечно, верховная власть Зяби, Совет архистарейшин, тоже обретается в Пупырях...

Что-то мне это не понравилось. Взял, да и спросил прямо:

– Зачем в столицу-то?

Пузатый на меня ноль внимания. Взял у дежурного бумагу, обмакнул перо в чернильницу и расписался. Открыл деревянный ящичек, достал печать, подышал на нее, примерился и шлепнул. Готово. Решил мою судьбу.

Это он так думал. Согласен ли с ним я, его не интересовало, а зря. По-моему, моя судьба – слишком ценная штука, чтобы решал ее кто-то другой. Я всегда держался этого мнения. Этап, значит? Тем лучше. Дознаюсь, зачем меня везут в столицу, и, если не понравится, дам тягу. С этапа не убегал только ленивый, а лень – это порок, об этом мне в разных воспитательных домах все уши прожужжали.

Я запомнил.

Глава 5. Ипат Шкворень, фермер

– Эй, ушастые! А ну, марш в загон! Давай-давай!..

Хлопнул бич. Но вот странность: Ипат Шкворень не держал в руках никакого бича. Откуда же хлопок?.. Но кенгуролики тяжеломерно заскакали по направлению к воротам загона. Набив животы на пастбище, они были настроены благодушно и слушались хозяина сразу. Им, сытым канальям, было просто лень проявлять норов.

«И охота тебе возиться с этими лопоухими?» – дивились соседи. Кое-какой резон в их словах был. Во всем уезде лишь один Ипат держал крупный скот. Гораздо проще засеять поле, собрать урожай, оставить сколько надо на семена и прокорм семьи, а излишки, благо город рядом, обменять на инвентарь, удобрения, домашнюю утварь и прочее. В том числе и на мясо – самое обыкновенное, выращенное на биоферме в большом баке. Вполне приемлемое мясо, ничуть не хуже слонины. Хвост кенгуролика, конечно, вкуснее, но не настолько же, чтобы платить за него втрое!

Словом, практичные соседи считали Ипата Шкворня чудаком. Пожалуй, так оно и было. Ипат просто любил кенгуроликов, эту древнюю помесь, порожденную беспокойными предками в попытках вывести универсальный скот для земледельных планет. Умели же когда-то! Много чего намудрили люди в древние времена, и кое-что прижилось. А нынче не мудрят. Некому мудрить. Правду говорят старейшины: Золотой век остался в прошлом. Серебряный, впрочем, тоже...

Кто-то толкнул Ипата в бок. Да что же это такое, а?..

Морщась от тупой боли под черепной крышкой, Ипат завертел головой и осознал, что находится в помещении. Ага... Угу... Значит, ненароком задремал и видел сон. Ничего страшного. Бывает.

– Заснул, дядя? Двигайся. Ты следующий. – Ипата снова пихнули.

Следующий?.. Куда следующий?..

Кажется, он произнес эти слова вслух.

– Судиться, дядя, – хихикнул тощий оборванный мальчишка, устроившийся на скамье слева от Ипата. А справа уже никого не было – была там дверь, и возле нее скучал охранник. Двое точно таких же торчали у входной двери.

Вот оно что. Суд архистарейшин. Ой, мамочки...

Теперь Ипат вспомнил. Нет, вчера он никого не убил – этого еще не хватало! Но зашиб соседа крепко. Тот, по мнению Ипата, был сам виноват. Если не хочешь, чтобы чужой скот чинил потравы, – огораживай поле! За кенгуроликами ведь не уследишь – прыгучая скотинка, да и свежую зелень любит.

Вообще-то Ипат собирался уладить дело по-доброму. Ну, заплатил бы немного за потраву, подсобил бы соседу в хозяйстве – вот и забыта ссора. Дело-то житейское. С соседями надо жить в мире. Но вчера обоих по пьяному делу бес попутал – слово за слово, ну и вышла драка. Одолел Ипат. Крепко намял бока соседке. Казалось бы, ну и что с того? Назавтра выставил бы потерпевшему бутылку настойки – глядишь, и помирились бы. Свои ведь люди.

Выходит, сосед нажаловался старосте. Вот гад! Не будет ему теперь никакой настойки!

Да, но почему суд архистарейшин? Мелкие дела о побоях и потравах всегда разбирает деревенский староста, а тут – глянь-ка! – доставили аж в самые Пупыри...

Неприятная мысль поразила Ипата: вдруг все-таки убил? Мнилось: максимум сломал недругу ребро-другое. Но убийство?!

Вспомнилось: сосед уковывлял кое-как, но все же на своих ногах. А вдруг приковывлял домой, лег на лавку, да и помер от побоев?..

За убийство – страшная кара. Даже не каторга – хуже. Изгнание в пустыню, в Дурные земли, откуда не возвращаются. Велика планета, да только мало на ней мест, где работающий человек может прокормиться. Если воспарить мыслью в неведомые выси и оттуда окинуть взором материки и океаны Зяби, картина выйдет безотрадная и даже пугающая. Обжитые места протянулись широкой неровной полосой по самому крупному материку и служат домом родным для нескольких миллионов человек. А вокруг – пустыни. Холодные на севере, жаркие на юге, но равно неплодородные, выжженные древними войнами. Грунт, спекшийся в черное стекло. Пыль, которая медленно убивает. Мало воды, да и та отравленная. Руины забытых городов – обожженные, оплавленные, опасные. Странные несъедобные растения, каких нигде больше нет. Голод и смерть.

Неужели сосед помер, а он, Ипат Шкворень, – убийца?!

Тогда конец.

– Не знаешь, за какой грех меня судить будут? – тихонько поинтересовался Ипат у мальчишки.

Тот даже присвистнул, за что удостоился мрачного взгляда охранника.

– Ну, ты даешь, дядя! Забыл? В стельку был, что ли? Ни бум-бум?

Непочтительность к старшим исстари почиталась на Зяби за порок. Но вместо того чтобы оттаскать нахального щенка за уши, Ипат лишь молча кивнул, боясь услышать самое страшное.

– А мне почем знать, дядя, – отвечал мальчишка. – У меня тут свой интерес, у тебя – свой. Да не шибко-то и любопытно.

– А ты что натворил? – спросил Ипат.

– Я-то? – Мальчишка откинулся на спинку скамьи и беззвучно засмеялся, показав мелкие зубы. – Я, дядя, сирота, брожу по свету.

– И давно бродишь?

– Сколько себя помню.

– Неужто нравится? – простодушно удивился Ипат.

– Ага. Ловят только. Как поймают, так и тащат в воспитательный дом какой-нибудь – фермера из меня делать. Пахать учили, сеять... Не по мне это. Мне бы где при фабрике пристроиться, меня к технике тянет, а у фермера какая техника? Жатка да молотилка. Скучно. Ну, я и в бега.

– Надрать бы тебе задницу, – сердито сказал Ипат.

– А то не драли, что ли?

– Постой-постой... – Ипат озадаченно почесал лоб. – Если тебя взяли за бродяжничество, то почему сразу на суд к архистарейшинам? Из-за такой малости...

– Ну, малость там, не малость... – Мальчишка вдруг прыснул. – Так, пошалил немного... Угнал механическую повозку – покататься. Я, дядя, скорость люблю. За это и попал в Пупыри из Земноводска.

Ипату показалось, что он ослышался.

– Из самого Земноводска? Тебя привезли из Земноводска на суд архистарейшин за угон повозки? Тамошние старейшины не разобрались, что ли? Ты сказок-то мне не рассказывай, молоко еще не обсохло...

– Не веришь – ну и не надо, – сказал мальчишка и отвернулся, презрительно дернув плечом. Однако спустя небольшое время повернулся к Ипату вновь. – Эй, дядя! Ты хоть знаешь, что на прошлой неделе на Зябь прилетел космический торговец?

– Ну, знаю, – буркнул Ипат. – Он и сейчас тут. И что?

– Он не торговец.

– Почему?

– Это ты у него спроси почему. Просто не торговец.

– А кто?

– Толком не знаю, – малость помявшись, сознался мальчишка. – Но тут дела не торговые, это точно. Архистарейшины что-то затеяли. Понял, нет?

– Ну? – спросил Ипат.

– Не нукай, не запряг, – нахально ответил малец, явно напрашиваясь на затрещину. – Хочешь знать, почему я не убежал с этапа?

– Потому что не смог.

– Гулкий ты, дядя! Как дерево. Да я на самом-то деле и утек, а потом покумекал и вернулся. Меня ж на полицейской механической повозке везли, а она возьми, да и сломайся на полдороге. Кто ее чинил, по-твоему? Я и чинил. Сто раз мог смыться, а не стал. Скажу больше, только это секрет: полицейские меня потом не заперли и даже дали порулить – поняли, что не сбегаю. Почему – знаешь?

«Не больно-то интересно», – хотелось пробурчать Ипату, однако любопытство пересилило.

– Почему?

– Потому что докумекал: тут что-то затевается. Из разговоров понял. Во-первых, что-то насчет инопланетной техники. Во-вторых, архистарейшинам на это дело нужны люди. В-третьих, кто попало не годится. В-четвертых, дело это непривычное и, возможно, опасное. Добровольцев не будет, хоть обойди всю Зябь, вот разве только я один. В-пятых, насчет меня из Пупырей в Земноводск пришла телеграмма. Все сходится. Я нужен архистарейшинам. Может, и ты, дядя, им приглянулся, даром что дерево деревом, а?

Ипат открыл уже рот, намереваясь поставить наглое шкета на место, но тут распахнулась дверь справа, и чей-то сонный голос из глубин помещения за дверью возвестил: «Следующий!»

И малолетний покоенарушитель немедленно вылетел из головы Ипата Шкворня. Хуже всего было то, что, вылетая, он привел мысли Ипата в полный беспорядок. Как теперь оправдываться перед судом?

Ипат тяжело вздохнул. Затем поднялся с лавки и, чувствуя в ногах противную деревянность, вошел в зал суда.

Залом его было назвать трудно. Просто очень большая, довольно мрачная на вид комната. Обыкновенные бревенчатые стены, потемневшие от времени потолочные балки, жесткие скамьи. Комната как комната. Но размеры! Они подавляли. Ипат мгновенно ощутил себя букашкой. Будь зал суда набит зрителями, по позвоночнику не побежал бы холодок страха. На миру, как говорит древняя пословица, и смерть красна. Но зал был пуст, если не считать судей да секретаря, расположившегося сбоку за столиком.

Странно, что никакой зевака не зашел полюбопытствовать... Ипата бросило в холодный пот, чуть только он понял: это закрытое заседание!

Но почему?!

Неизвестно. Вот только готовиться при таком повороте дела следовало к самому худшему.

Ипат приготовился. Внутренне собрался, усилием воли выгнал из суставов дрожку слабость. За свои дела надо отвечать – и он ответит достойно. А там будь что будет.

Охранник подвел его к деревянному барьеру и отступил. Ипат стал глядеть на архистарейшин.

Их было пятеро – полный состав суда. С незапамятных времен Зябью управлял Совет в числе пятидесяти архистарейшин, избираемых из глубоких старцев за былые заслуги и неугасший ум. Раз в десять дней каждый из них по очереди преображался в судью по важным делам. Менее важные судебные дела вершились старейшинами деревень, поселков и городков. Архистарейшины сильно не любили, когда их заваливали ерундовыми исками, и не раз бывало, что они своей властью назначали перевыборы местных старейшин, не способных рассудить своих односельчан по справедливости.

Как и любой житель Зяби, Ипат знал это. Тем сильнее заползли в душу недоумение и страх. Честно говоря, страха было больше.

Все пятеро судей имели темные, изборожденные морщинами лица и предлинные седые бороды. Трое из пяти были лысы. Четвертый, как ни странно, носил густовласую снежно-белую прическу на прямой пробор, перехваченную на лбу шнурком. У пятого на покрытом старческими пигментными пятнами черепе росло что-то вроде куриного пуха. Этот пятый начал с того, что внимательно оглядел Ипата, подслеповато щурясь и покачивая головой в непонятном сомнении, затем иссохшей дрожащей лапкой сдвинул бороду с лежащего перед ним вороха бумаг, другой лапкой подцепил верхний лист, долгую минуту недоверчиво изучал его, приблизив к самым глазам, и наконец продребезжал:

– Ипат Шкворень?

– Я, – сознался Ипат, на всякий случай потупившись.

– Что же это ты, Ипат Шкворень, а?

– Сам не знаю, как это вышло, – пробубнил Ипат и тяжело вздохнул.

– Покоенарушение второй категории, – подытожил написанное в бумаге пухоголовый старец. – Как то: потрава чужих посевов, пьяная драка с соседом. Нехорошо.

Ипат вновь тяжело вздохнул: сам, мол, знаю, что нехорошо, не маленький. Знаю и осознаю.

– Жалоба на тебя, Ипат Шкворень. Имущественный ущерб, публичное сквернословие да еще побои. Помимо жалобы потерпевшего имеются свидетельские показания. Чистой воды вторая категория без смягчающих... Нет? Есть таковые обстоятельства?

– Нет, – признал Ипат, сокрушенно покачав головой. Всякому известно: на суде архистарейшин, если и впрямь хоть чуточку виноват, лучше всего чистосердечно раскаяться. Упорствующих в заблуждениях старики не любят. Положим, скостить наказание раскаявшемуся покоенарушителю – это вряд ли. Но хоть лишнего не прибавят...

– Желаешь ли что-нибудь сказать, Ипат Шкворень?

Тяжко-претяжко вздохнув, Ипат развел руками.

– Да что тут скажешь... – промямлил он. – Виноват, конечно... Но разве я один виноват?

– Что-что? – Пухоголовый старец приложил ладонь к уху. – Не один, говоришь? А кто еще, по-твоему? Уж не потерпевший ли?

Ипат уже понял, что брякнул лишнее, и проклял себя. Надо было как-то выкручиваться.

Но сказать, что нужные слова вылетели у Ипата из головы, означало бы приписать ему то, чего не было. Никаких слов, способных помочь ему в данную минуту, в его голове не содержалось.

Надо признать, что хитроумные мысли вообще посещали Ипата весьма редко. Даже среди односельчан, не слишком расположенных к умственной деятельности, он слыл человеком недалеким. Крепкий хозяин, этого не отнять. Работяга. Но не более того. Виданное ли дело, чтобы фермер в тридцать с гаком лет не был женат? И со скотиной, знать, возится не иначе как от большого ума. На кенгуроликах не очень-то разбогатеешь, зато как жил, так и помрешь бобылем. Какая же девка согласится пойти замуж за провонявшего навозом мужика? Работа в поле – совсем другое дело. Злаки колышутся волнами, ветерок обдувает... хорошо-о!

– Потерпевший... – брякнул Ипат, не придумав ничего более умного. – Он... это... тоже виноват. Я бы ему заплатил за потраву, честное слово...

– И ты заплатил! – перебил Ипата седовласый архистарейшина, для убедительности подняв вверх указательный палец, смахивающий на бобовый стручок. – Ты знатно ему заплатил – побоями! Больше ничего не желаешь сказать?.. Нет?.. Суд выслушал обвиняемого. Значит, так: виновен в нанесении имущественного ущерба – раз. Усугубил свою вину, затеяв драку, – два. Причинил соседу телесные повреждения – три! Дело рассмотрено и признано вполне ясным.

Четверо судей закивали в ответ. Ипат повесил голову. Зря только начал выгораживать себя. Теперь накажут серьезнее. Недели две общественно полезных работ, а то и месяц...

Если в родной деревне, то еще ладно. Пусть насмеются все, кому не лень, зато можно будет, наверное, отлучаться время от времени для ухода за скотиной. Если же суд назначит отработку в столице – кого бы нанять ухаживать за кенгуроликами? Они, конечно, твари неприхотливые, могут сидеть в загоне и три, и четыре дня, но за две недели без пищи и воды точно сдохнут.

– Объявляется приговор, – торжественно возгласил седовласый, в то время как секретарь заскрипел пером. – Ипат Шкворень из деревни Кривые Метелки, виновный в покоенарушении второй категории, в отсутствие смягчающих вину обстоятельств приговаривается к шести месяцам общественно полезных работ и поступает в распоряжение муниципального старосты по благоустройству столичных дорог. В случае отказа подсудимого от дополнительного предложения приговор вступает в силу немедленно. Утверждает ли приговор судейская коллегия?

Трое лысых и один пуховолосый вновь закивали.

Вязкая чернота растеклась перед взором Ипата. Шесть месяцев! Целых полгода мостить столичные улицы! Да за это время кенгуролики погибнут все до единого, тут и к ворожее не ходи. И нанять-то некого на такой срок, и нужен не какой-нибудь лоботряс, а человек понимающий. Где его взять, спрашивается? Да и денег не хватит на наем. Это что же – разорение?..

Именно так. Оно самое.

Ипата шатнуло. В голове часто-часто застучали молоточки. Э, погоди-ка... Что там было сказано о дополнительном предложении?

Где-то в бесконечности забрезжил слабенький лучик надежды, и Ипат потянулся к нему, как утопающий к соломинке. Какое такое дополнительное предложение? А ну-ка!

В маленькой, но светлой комнатке, куда его вывели на полчаса для ознакомления с врученным ему пространным документом, отпечатанным вручную, Ипат осознал старую истину: хрен и редька равно далеки от сахара по части сладости. Лучик померцал и угас. С третьего прочтения Ипат начал понимать, что ему предлагают, и покрылся холодным потом. Прочитав документ в четвертый раз, он понял, что это всерьез.

Обнадеживал лишь один параграф предложенного соглашения: на время отсутствия Ипата сохранность его движимого и недвижимого имущества гарантировалась, причем не кем-нибудь, а Советом архистарейшин Зяби. Это было хорошо. Но дело, в которое предлагалось ввязаться Ипату, было совершенно невозможным!

Нет.

Нет и нет!

Глупости. Видать, старцы выжили из последних остатков ума, если предлагают такое, рассчитывая на чье-то согласие... Но кто же согласится? Да нет, это попросту немыслимо!..

Но и отказаться несколько не лучше.

* * *

Окно не имело ни решеток, ни специальных запоров. Открыл настежь – и беги куда хочешь. Первый этаж. Только перелезть через подоконник.

Можно выйти и через дверь. За ней всего-навсего один полицейский, которому скучно. Не настоящая охрана, а так, проформа. Захочешь убежать – убежишь.

Одна видимость... Куда убежишь на Зяби?

Допустим, где-нибудь пристроишься. И все равно рано или поздно тебя найдут и накажут не в пример серьезнее. Могут и вовсе изгнать в Дурные земли – живи там как хочешь. Вернее, помирай, как сможешь. Дело твое. Хочешь – беги хоть сейчас.

Ага, нашли дурака!

Ипат подписал условия, решив, что лучше уж ринуться с головой в дикую авантюру, имея гарантию насчет хозяйства, чем наверняка потерять хозяйство, занимаясь улучшением столичных дорог.

Да и авантюра ли еще? По всему судя, выходила какая-то глупость.

Как многие жители столичного округа, Ипат был грамотен, знал четыре действия арифметики и имел некоторые представления об иных мирах Вселенной. Представления эти были вколочены в него не только начальной школой. Сама жизнь преподносила порой зримые доказательства: есть иные миры, есть. Существуют. И в них тоже живут люди – кое-где странные, а кое-где и ничего. Иной раз, возникнув из черной бездны космоса, на Зябь опускался чужой звездолет, чаще всего торговый. Когда-то в незапамятные времена люди жили на одной-единственной планете Земля Изначальная, а потом расселились кто где. Отчего же им и теперь не летать от звезды к звезде, от планеты к планете, если есть на чем? По правде говоря, без космических торговцев жизнь на Зяби была бы тяжелее и скучнее. На новые удивительные машины у правительства никогда не было денег, и торговцы не обременяли себя таким товаром, но вакцины от болезней, новые сорта полезных растений и недорогие биотехнологии Зябь иногда покупала. Также и одобренные архистарейшинами зрелища, какие подешевле. А уж рассказы о том, как живут-поживают люди на иных планетах, шли бесплатным довеском и еще долго после отлета очередного торговца передавались из уст в уста, подчас обрастая удивительными подробностями.

Но ни один житель Зяби никогда не покидал своей планеты. К чему? Очень нужны фермеру межпланетные путешествия! И звездолеты! Вот хороший трактор с набором навесных приспособлений – очень нужен. Все остальное – пыль, глупый мираж. Обитатели Зяби привыкли гордиться своим здравомыслием. Ни фермеры, ни рабочие на немногочисленных фабриках, обслуживающих сельское хозяйство, с детства не расположены к пустым фантазиям. Разве что дети, да и то далеко не все, мечтают о чем-то несусветном вроде далеких звезд и метеоритных атак, но кто их слушает?..

Как многие, Ипат Шкворень и без слов мальчишки знал, что недавно на Зябь прилетел очередной чужак. Знал он и то, что архистарейшины ведут с гостем какие-то переговоры. Знал – и не слишком интересовался этим. Все равно ничего не изменится. Жизнь ясна, проста и пряма, как борозда в поле, такой ей и быть вовеки.

Оказалось – нет.

Вербовщик. Ипату понадобилось время, чтобы вспомнить смысл этого слова, пришедшего из бесконечного далека. Но вот он – космический вербовщик. Он здесь, на Зяби. Он сделал архистарейшинам предложение, на которое те, поспорив и покряхтев, согласились. А согласились они ни много ни мало как отчислять ежегодно двадцатую часть доходов в пользу какой-то планеты Рагабар. Что еще за планета? Где она? Ипат не знал, но был уверен, что еще недавно об этом Рагабаре слухом не слыхивал никто, включая архистарейшин. Чем, интересно знать, пришелец опоил их?

Пять процентов от всего дохода Зяби! Возьми да отдай их ни за что ни про что какому-то Рагабару! Уму непостижимо. Дурак скажет, что пять процентов – это немного, но на то он и дурак. Стало быть, вместо сегодняшних терпимых налогов фермерам придется платить нестерпимые, так надо понимать?

А что взамен?

Звездолет. Бесплатно. И плюс к тому право присоединить к Зяби пять планет на тех же условиях. Плати пять процентов дохода планеты и взимай пять раз по пять. Плохо ли?

Тут надо крепко подумать. Где искать согласных платить и куда пойдут те денежки? Если не фермерам, то на что они нужны? И без них жили и не тужили. Хотя... кто тебя спрашивает, Ипат Шкворень? Ты уже подмахнул бумагу. Лети теперь в пугающий до дрожи космос и выполняй, что от тебя требуют.

И не ты один согласился...

Цезарь Спица, сопливый шкет, пребывал здесь же, делил с Ипатом камеру на три койки, но если Ипат большей частью лежал, устремив взгляд в потолок и натужно ворочая в голове тяжелые мысли, то шкет не мог ни лежать, ни сидеть – так и метался, потирая руки и изнывая от нетерпения.

Ждал, дурень, когда ему дадут звездолет.

ТЬфу!

Глава 6. Цезарь и другие

А вот не спрашивайте, когда меня впервые осенило, что не на той планете я родился. Не скажу. Никаких секретов – просто не знаю. Давно это было. Сколько себя помню, столько и сидит во мне эта мысль. Устроишься этак, бывало, на чужом сеновале, а то и просто заночуешь в стогу посреди поля, лежишь себе, значит, жуешь что бог послал, а если он никакой шамовки не послал, то со скукой в животе лежишь и смотришь в небо. А там – звезды. Иные ровно светят, а иные помаргивают, будто намекают: они не просто так звезды, а обитаемые миры. Вот и мне бы туда. Чего я на Зяби не видел?

Были бы тут хотя бы железные дороги – я бы при депо устроился. Техника – она красивая и лязгает. Чего мне еще? Но последнюю железную дорогу у нас разобрали, если попы не врут, лет этак с тысячу назад, когда на Зяби победило учение Девятого пророка. Всякий зябианин знает, когда, где и зачем он добровольно лег на рельсы перед поездом. По мне, лучше бы он лег на что-нибудь другое, потому что езда по железной дороге с тех самых пор была объявлена грехом. Ну, ясное дело, новых железных дорог у нас больше не строили, старые разобрали, а тот рельс, где лежал пророк, распилили на мелкие части. В каждом храме теперь по куску. Раз в год примерным прихожанам позволяют потрогать этот кусок, поддержать в руке священный костыль от того рельса и поцеловать святую шпалу.

И меня в разных исправительных заведениях заставляли целовать, только я не целовал, а чмокал мимо. По-моему, сколько ни целуй дерево, лучше не станет ни ему, ни тебе. Вот если бы пророк умер, подавившись котлетой, я бы первым встал в очередь на целование. Боюсь только, что следующему целовальщику уже не досталось бы котлеты.

Зато обряд посещения кнутами паровоза – веселая штука! Правда, паровоз там ненастоящий – грубый макет. Настоящих-то нигде не осталось, хоть обойди всю Зябь.

Конечно, я всегда помалкивал о том, что мне жаль железных дорог.

Ну ладно, ладно, не всегда... Лет примерно с четырех, когда мне за эту жалость, высказанную вслух, надрали уши и оставили без обеда.

А теперь – что мне эти паровозы? Звездолет в миллион раз круче.

Между прочим, Девятый пророк учил радоваться успехам ближнего своего, а я гляжу – Ипат что-то не очень рад за меня. А за себя и того меньше. Вот чудила! А еще близ столицы живет. Хотя фермер – он везде фермер, навозная душа.

И ладно. Без него разберусь.

Не так-то просто мне было не запрыгать от восторга, когда судьи предложили мне это дело вместо битья и каторги. Но уж я постарался изобразить огорчение. Поверили мне судьи, нет ли – не знаю. Главное, что не забрали свое предложение назад.

Не прошло и часа, как в нашу камеру привели третьего. Этот был лет двадцати пяти, чернявый, узколицый, по одежде и манерам – городской житель, да еще не из всякого города. Пожалуй, столичная штучка. Вот только костюм его был изрядно помят, а под левым глазом красовался сизый фингал. Войдя, этот тип метнул быстрый взгляд на валяющегося на койке Ипата, чуть больше времени уделил разглядыванию моей персоны и без всяких слов принялся охорашиваться, как привередливый кот, вернувшийся домой с весенней спевки. Страхнул с себя пыль, а потом давай вертеться – и тут попытается разгладить складочку, и там, и через левое плечо на себя посмотрит, и через правое, и по-всякому. Зеркала ему не хватало. Никогда не видел, чтобы человек мог так зверски выворачивать шею – как сова, ей-ей. А пальцы у него были тонкие, нервные, раза в полтора длиннее, чем у нормального человека, и запястья не толще, чем у меня. Примерно такие же руки я видел только однажды – у одного музыканта. Правда, у музыканта пальцы были все-таки короче. А главное, музыкант вряд ли вывернулся бы из наручников, а этот тип – запросто. Раза в четыре быстрее, чем я, сразу видно.

– Эй, дядя! – позвал я его. – А поздороваться?

Тут он вновь обратил на меня внимание. Интересный у него был взгляд – быстрый, колючий и такой пронизательный, что мне стало малость не по себе. Если бы рядом не было Ипата, я бы не рискнул указать новичку на нарушение тюремных обычаев. Ипат хоть и деревенщина, но сразу видно: добрая душа при здоровых кулаках и в обиду меня не даст.

Новичок сразу это понял. Я так и подумал, что соображать он должен быстро.

– Желаю здравствовать всем присутствующим, – отозвался он с отменной вежливостью. – Разрешите представиться: Ной Заноза, человек творческой профессии. А вас как величать?

Я назвал и назвал Ипата, а Ной отвесил мне шутовской поклон, шаркнул ножкой и опять давай охорашиваться. Я сроду не видал таких людей. Вымерший зверь павлин, а не человек. Расправив последнюю складочку, Ной добыл из внутреннего кармана роговую расческу и с полчаса причесывался перед оконным стеклом вместо зеркала, а потом отколупал от рамы щепочку и аккуратнейшим образом почистил под ногтями. Я думал, на том он и успокоится, так ведь нет: извлек откуда-то маленькую бархотку и давай полировать ногти, а на меня с Ипатом ноль внимания. Видать, и впрямь не бандит, а человек творческий. Перемещает деньги из чужих карманов в свой так, что залюбуешься, если, конечно, ты не жертва.

Больше я с ним заговаривать не пытался. А еще через полчаса пришел архистарейшина из суда – тот, у которого на черепе цыплячий пух вместо волос. Даже для архистарейшины он выглядел необычайно внушительно, то есть примерно как покойник не первой свежести. Полицейский за дверью аж каблуками щелкнул – то ли от усердия, то ли со страху.

Вошел, значит, этот загробный житель и говорит:

– Собирайтесь.

Ной даже не посмотрел на него, а Ипат вскинулся на койке и глаза вытаращил.

– Куда?

– Туда, где вам будет удобнее. Не в суде же вам жить.

Это «жить» меня слегка подбодрило: видать, архистарейшины собираются честно выполнить свое обещание. Поначалу – уж точно. А там поглядим, что будет.

Нас погрузили в кузов полицейской машины – ну, вы их знаете, а если не знаете, то скажу: это закрытая коробка без окон, обитая изнутри жестью, а чтобы арестанты не задохлись, в стенах под самым потолком просверлены отверстия, причем так высоко, что глядеть сквозь них невозможно – макушка в потолок упирается, а глаз до дырочки не достает. Заработал движок – я сразу определил по звуку, что клапана скверно отрегулированы, – завоняло угольным дымом, и машина тронулась. Богато в столице живут – автомобили у них не на дровах, а на каменном угле бегают.

Положим, по тряске в кузове тоже можно понять, куда тебя везут. Машина так долго тарахтела по булыжной мостовой, что уже наверняка выехала из Пупырей, а булыжная мостовая все не кончалась и не кончалась. Значит, дело ясное: везут в сторону космодрома. Я так и думал.

Потом мостовая все-таки сменилась грунтовой, повеяло запахом трав и навоза. Даже Ипат стал приюхиваться и уже не выглядел таким несчастным. И вот – приехали.

Дом был довольно большой, одноэтажный, кирпичный, с замазанной трещиной по фасаду, появившейся, наверное, при посадке или старте какого-нибудь уж очень тяжелого корабля. Дом стоял на краю поля в стороне от прочих космодромных построек и был окружен деревянными столбами – сразу видно, что недавно вкопанными, – с колючей проволокой. Будка для караульного тоже была сколочена из свежих, еще пахнущих смолой досок. Внутри оказалась прорва всяких помещений: гостиная с камином, столовая, четыре спальни, туалет с водяным смывом, душевая и еще кухня со всей необходимой утварью. Другой бы на моем месте заважничал – ведь всякий понял бы, что архистарейшины распорядились приготовить

здание специально для нас. Распорядились, конечно, заранее, еще не зная, кто попадет к ним в лапы и согласятся ли попавшиеся на это неслыханное дело.

Тут я подумал: а если бы мы отказались – что тогда? Ну, с нами-то понятно что, а с проектом? И сам же дал ответ: наверняка у архистарейшин был выбор. Зябь – планета тихая, но большая, и народу в ее обитаемой зоне живет порядочно, а где народ, там всякое случается. И без нас нашлись бы покоенарушители. Нормального-то обитателя Зяби лететь в космос нипочем не уломаешь, чего он там не видел.

Так что Ипату еще повезло, только он этого пока еще не понял. А что об этом думает Ной, я и гадать не стал.

В доме Ной тут же осмотрелся, повертел носом, заглянул во все спальни и объявил, что берет себе крайнюю справа. Мы с Ипатом не возражали. По мне, все равно, где спать, лишь бы в тепле и без побудки сапогом по ребрам. А тут было еще и мягко – набитые шерстью тюфяки! Подушки с наволочками! Одежда, простыни, занавесочки на окнах! В тумбочке – мыло, зубная щетка, меловой порошок для чистки того, чем пишу кусают! Два чистых полотенца на спинке кровати! Уж не помню, когда я в последний раз спал в такой роскоши. Пожалуй, что и никогда.

Мы с Ипатом выбрали себе две спальни слева, причем я попросил себе крайнюю, на что Ипат согласился. Он до сих пор был не в себе. Я потоптался возле кровати – уж очень она была чистая, – а потом решился и прыгнул на нее плашмя. Честно скажу, сеновал лучше: и запах приятнее, и мышки внизу шебуршатся, отчего мне покой и уют. Но я не привередливый, могу жить и в доме, особенно если в тюфяке нет клопов. А их тут, судя по всему, либо вовсе нет, либо не слишком много.

Не успел я понежиться как следует – позвали к обеду. Стол уже накрыт. Каша с мясом, студень с хреноперцем, салат из свежих томатобананов, вареный топинамбур, сколько угодно белого хлеба, по кружке пива каждому – пир, настоящий пир! Ничего вкуснее я в жизни не едал. Правда, пиво оказалось хвойным, а после него во рту такой привкус, как будто шишку съел, но это терпимо. Все трое наворачивали так, что только за ушами пищало. Ну, на Ипата, думаю, напал жор от нервного потрясения, а мы с Ноем проголодались по-настоящему. С места мне не сойти, если этот Ной Заноза не швырял снесь в рот артистично. По-моему, он вообще все так делал, то есть на людях все, а в сортире я за ним не подглядывал. Свой фингал под глазом он запудрил – кажется, зубным порошком. Очень незаурядный человек, какая-нибудь деревенщина и не подумает, что жулик.

После такого обеда первое дело – поспать. Ной достал колоду карт и предложил было Ипату перекинуться в «шито-крыто», но тот отказался – и правильно сделал. А я ушел в спальню и заполз под одеяло.

Проснулся от воплей и визга. Визг был бабий, да такой, что ввинчивался в уши не хуже сверла. В гостиной вопила какая-то тетка и все никак не могла успокоиться. Ну и мощный же голосина! Я было накрыл голову подушкой, только это ничуть не помогло. Сна как не бывало.

– Да что они себе позволяют?.. – доносилось из гостиной вперемежку с нечленораздельными визгливыми выкриками. Казалось, что там режут скотину тупым ножом. – Да я Семирамида!.. Вся Зябь знает... Это что – суд называется?! Дерьмо, а не суд!..

Я осторожно приоткрыл дверь и выглянул. Ну точно – в гостиной находились Ной, Ипат и пуховолосый архистарейшина с заправленной за пояс бородой, причем все трое жались к стенам, а посреди металась, непрерывно вопя, не кто-нибудь, а сама Семирамида Великолепная – та самая, чьи песенки мурлыкала под нос вся Зябь, почти такая же, как на афишах, только ростом пониже, а лицом поглубже. На самом-то деле зовут ее иначе; Семирамида – это сценическое имя. Я и сам однажды ее слушал, сидя на заборе в летнем театре, пока сторож не спихнул меня метлой. Но тогда она пела, а сейчас совсем наоборот.

Я не сразу понял, чего ради ее занесло в нашу компанию, и лишь когда она еще раз проплась насчет суда, сообразил, что ее тоже загребли по обвинению в покоенарушении. И зна-

ете, глядя на нее, в это сразу верилось. Покоя в ней было не больше, чем в землетрясении, а словечки она употребляла такие, что пуховолосый то и дело морщился, Ипат зажал ладонями уши, и даже я чуть не покраснел. Один Ной прислушивался с интересом. Для начала она изругала в пух и прах столичную публику, затем своего импресарио, потом не оставила живого места от некой Изабеллы Заозерной, после чего вновь перешла на архистарейшин и их судейскую коллегия, а в конце, когда я уже было подумал, что она наконец заткнется, услышал кое-что обо всех присутствующих, не исключая и меня. Но и это был еще не конец концерта, это был только конец вступления к нему. Она вновь обрушилась на Пупыри, на порядки в них, на выживших из ума старцев, обругав каждого порознь и всех скопом, и продолжалось это так долго, что я тоже заткнул уши. В жизни не слыхивал, чтобы женщина так орала. На афишах писали, что она сладкоголосая, а только я вот что скажу: если этот голос сладкий, то подавай мне горчицу. Наконец у нее кончились слова, и в качестве финала концерта она выдала такой визг, что я пожалел, что не родился глухим. Даже Ноя передернуло.

Потом слышу – тихо. Вынул пальцы из ушей – ничего, жить можно. Стоит Семирамида вся красная, злая-презлая, не подступись к ней, а голос все-таки решила побереечь. Сразу бы так. Пуховолосый старец и раньше-то выглядел как выкопанный покойник, а теперь я мысленно прибавил ему целую неделю, проведенную в могиле. У него даже пух на черепе как-то полинял, а пигментные пятна выступили резче – ни дать ни взять трупные. Даже жутковато мне стало, что он еще шевелится. Поковырял он костлявым мизинцем в одном ухе, потом в другом и сказал негромко:

– К сведению нездешних: меня зовут Сысой Кляча. Совет архистарейшин назначил меня уполномоченным по вопросам, касающимся проекта «Небо». Иметь дело вы будете только со мной. Разговаривать о проекте с охраной и обслуживающим персоналом запрещено. Вопить и визжать не возбраняется, но это не улучшит вашего положения. Вот ухудшить – может. От оскорблений в адрес Совета архистарейшин настоятельно советую воздержаться. Напоминаю один из пунктов подписанного вами соглашения: попытка побега будет расценена как покоенарушение вне категорий. Я полагаю, что каждый из вас понимает, что это означает. – Тут он повернулся ко мне. – Ты понимаешь?

Чего тут не понять. Разговаривать с покойниками не в моих правилах, поэтому я просто кивнул. Внекатегорийное покоенарушение – это выдворение в Дурные земли на веки вечные. Если, конечно, покоенарушителя поймают.

А ведь поймают рано или поздно.

– Всем понятно?

– Дураком надо быть, чтобы бежать, – подал голос Ной. – А дураков здесь нет. – При этом он посмотрел почему-то на Ипата. Помедлил самую малость и добавил: – Не знаю только, кем надо быть, чтобы остаться. То ли большим умником, то ли окончательным идиотом.

Сысой улыбнулся, но лучше бы он этого не делал. Когда улыбаются ожившие мертвецы, мне становится не по себе.

– Поздно сетовать, – сказал он. – Соглашение вами подписано и отмене не подлежит. В течение некоторого времени вы будете жить здесь. Я буду навещать вас ежедневно. Выход за огороженную территорию – только с моего ведома и в сопровождении охраны. Никаких увольнительных. Вам будет передан звездолет, полученный нами в виде зародыша от посланца планеты Рагабар. На первом этапе вы должны следить за развитием упомянутого зародыша в полноценный корабль. Вы должны также освоить управление им. Но берегитесь, если он у вас сдохнет или откажется подчиняться! – Тут Сысой сделался столь грозен, что я подумал, что оживший мертвец просто щенок перед живым архистарейшиной. – Говорю это вам, поскольку предполагаю, что не все из вас внимательно прочли соглашение. На втором этапе проекта вы отправитесь в Галактику на поиски обитаемых планет, еще не включенных в имперскую пирамидально-иерархическую структуру. Это понятно?

Мы дружно закивали. Даже Семирамида. Что это за пирамидальная структура, я не знал, но решил не спрашивать – как-нибудь разберусь потом. Немного смягчившись, Сысой вновь улыбнулся, на сей раз почти по-человечески.

– Главное, на обоих этапах не нервничайте, – продолжил он доверительным тоном. – Спешка не нужна, но и терять время даром вам никто не позволит. Космические полеты – дело для нас новое, неосвоенное и, вероятно, не совсем безопасное. Поэтому не жалейте усилий на подготовку. Далее. А ну-ка, кто скажет мне, как зовут нынешнего императора?..

Я промолчал, потому что не знал, как его зовут. Ипат неуклюже пожал плечами. Семирамида презрительно вздернула носик: мол, вот еще – интересоваться всякой чепухой. Один только Ной оказался на высоте.

– Леопольд Двести Тридцатый.

– Именно так, – подтвердил Сысой. – Для чего вам это надо знать? Только для того, чтобы уяснить себе еще кое-что: нынешнюю пирамидальную структуру империя начала приобретать при императоре Леопольде Двести Двадцать Седьмом, то есть около века назад. Что из этого следует?

Я не знал, что из этого следует, зато Ной и тут не растерялся. Речь у него была правильная, как у учителя, да еще со столичным выговором. Никаких воровских словечек.

– Конечно, из этого следует, что все богатые миры уже включены в имперскую пирамиду, и чем богаче мир, тем раньше это произошло.

– Так, – сказал Сысой. – Допустим. Но это пока домыслы. Может, найдутся и факты?

Ной засмеялся, показав мелкие белые зубы.

– Один факт точно есть: включение в пирамиду Зяби. В Галактике десятки тысяч обитаемых планет, а все-таки вербовщик пожаловал к нам. Почему?

– Почему? – спросил Сысой.

Ной картинно вздохнул и развел руками.

– Не в моих интересах злить архистарейшин печальной правдой...

И замолчал.

– А все-таки?

Ной глядел приветливо, но молчал, как пень. Тогда Сысой по очереди оглядел всех нас, понял, что ни я, ни Ипат, ни Семирамида никогда не интересовались такими вопросами, вздохнул и сказал:

– Все верно. У одного из вас голова работает как надо, и знаете, один из четверых – это уже неплохо. Зябь – отсталый мир со слабой экономикой. Наши месторождения полезных ископаемых вычерпаны, наша промышленность не развивается, внешняя торговля смехотворна, океаны отравлены, девять десятых суши заражены и опустынены. Мы влачим дремотное существование. Наши далекие пращуры слишком много воевали и слишком мало думали о будущем. Властям Рагабара это, конечно, ничуть не интересно. Их волнует лишь совокупный годовой доход планеты, чтобы брать с него свои проценты. Наш доход мал, и все-таки Рагабар включил нас в свою орбиту. Причина тут может быть только одна: его вербовщики не нашли более богатых планет.

– Предполагается, что мы их найдем? – Ной иронически поднял бровь.

Плевать Сысою было на его иронию.

– Совет архистарейшин надеется на это, – сказал он спокойно, выпростав бороду из-за кушака и степенно оглаживая ее. – У вас будет корабль и полномочия официальных посланников Совета. У вас будет документ, дающий вам право вербовки. Вы найдете пять миров, желательнее более богатых, чем Зябь, и уговорите их правительства включиться в имперскую пирамиду под нашим патронажем. Вы подпишете с ними договоры и зарегистрируете их в Комитете по расширению империи. Вы не станете обращать внимание на миры малолюдные,

нищие и одичалые. Повторяю: нам нужны миры богатые или хотя бы перспективные. Понятно ли я говорю?

Мы дружно кивнули. Я вроде все понял, но за Ипата и Семирамиду не поручусь. Что до Ноя Занозы, то он, по-моему, уже прикидывал в уме какую-то пакостную комбинацию.

Сысой сделал паузу, во время которой достал из кармана коробочку с таблетками и забросил одну в безгубый рот. Поискал глазами, нет ли где воды, не нашел и заглотнул всухую, причем кадык у него дернулся так, что аж борода пошла волнами.

– А чтобы кое у кого из вас, – продолжил он, не глядя на Ноя, но я сразу догадался, кого он главным образом имеет в виду, – не возникло соблазна сделать работу кое-как, а то и вовсе удрать с кораблем в неизвестном направлении, я неофициально, но все же от имени Совета, обещаю вам следующее. Если вы вернетесь с удачей, все ваши прегрешения перед законом будут забыты – это раз...

– Это было в бумаге, которую я подписала! – выпалила Семирамида, да так, что стекла зазвенели. Гляжу – опять раскраснелась, как плита, того и гляди задымится. А Ной только осклабился.

– Кроме того, с первых отчислений каждой планеты в пользу Зяби, – невозмутимо продолжал Сысой, – вы получите одну десятую процента в личное и безраздельное пользование в любой валюте, имеющей хождение в империи, но лишь в том случае, если эти отчисления превысят наши отчисления в пользу Рагабара. Совет надеется, что это побудит вас быть осмотрительнее в выборе подходящих для нас планет. Если доход планеты окажется меньше дохода Зяби, вы с него ничего не получите. Понятно ли?

– Одну десятую процента – каждому? – быстро спросил Ной.

– Каждому – по двадцать пять тысячных, – отрезал Сысой. – В случае гибели или дезертирства кого-нибудь из вас его доля не достанется остальным. Это условие окончательное и не обсуждается. Есть еще вопросы?

– Эти двадцать пять тысячных процента – только с первых отчислений?

– С отчислений за первый год. Однократно. А вы бы хотели пожизненно?

– Я бы не отказался, – сознался Ной. – Может, договоримся? – Сысой покачал иссохшей головенкой. – Может, хоть на пять лет? На три?.. Нет? А как насчет того, чтобы зафиксировать эти наши проценты в официальном документе? Тоже никак?

Он кривил рожу, жмурил подбитый глаз и как бы в сомнении жевал губами, изображая полное отсутствие восторга. Актер бы из него вышел что надо.

– Вам придется положиться на мое обещание, – сказал Сысой. – Если не желаете, можете хоть сейчас разорвать соглашение...

Ага. Разорвать. И получить то, что назначил нам суд, плюс еще довесок за отказ? Спасибо, подумал я, что-то не хочется.

– Ну уж нет! – пробасил Ипат. Молчал-молчал, а тут его вдруг прорвало. – Я согласен. Ежели за моими кенгуроликами присмотрят...

– Соглашение есть соглашение, – отозвался Сысой. – Присмотрят. Совет наймет пастуха и ветеринара. Что же касается письменных гарантий насчет ваших процентов с каждой удачной сделки, то этого не будет, и точка. Мнения в Совете разделились, и мое предложение не набрало большинства голосов. Однако я вам гарантирую: когда вы вернетесь с удачей, я вновь поставлю этот вопрос перед Советом и обещаю, что добьюсь своего. Кто-нибудь может упрекнуть Сысою. Клячу в том, что он хоть раз не сдержал своего слова?

Тут выпцветшие глаза Сысою засверкали, он надулся и без спешки оглядел нас всех – ну прямо как орел со скалы. Росточка он был небольшого, не выше Семирамиды, но мне показалось, что сейчас он перерос тот обелиск, в который я въехал в Земноводске. И уж величествен стал до того, что дальше некуда.

– Не можем, – ответил за всех Ной, и за меня тоже, несмотря на то что до сегодняшнего дня я знать не знал Сысой Клячу. – Однако наша экспедиция может затянуться, а люди, увы, смертны.

Сысой метнул на него не сказать чтобы очень любезный взгляд.

– Верно. Все верно, черт возьми. И с этим связано дополнительное условие. Советую хорошенько его запомнить. Если я отойду в лучший мир до вашего возвращения, никаких процентов вы не получите. Стало быть, в ваших интересах выполнить задание не только честно и с выгодой для Зяби, но и быстро. Как раз потому, что люди смертны, а старики в особенности... Вопросы есть?

У меня был вопрос, и совершенно лишний, потому что у этих архистарейшин все всегда предусмотрено, но все-таки я его задал:

– А звездолет? Когда мы получим звездолет?

– Прямо сейчас. – Тут Сысой бережно достал из кармана нечто маленькое, завернутое в чистую тряпочку. Развернул – и показал нам бесформенный предмет размером с некрупное яблоко, только коричневый и весь бугристый, как не знаю что. – Вот ваш звездолет.

И тогда Устинья Компост, более известная как Семирамида, закричала.

Глава 7. Ларсен и Зябь

Ему тоже хотелось кричать. Он молчал лишь потому, что от кричи не кричи – ничего уже не изменишь. Но по адресу Зяби и ее архистарейшин Ларсен, скрежеща зубами, мысленно произнес немало разных слов.

Его провели! До последней минуты он оставался в убеждении, что архистарейшины ему же и поручат вербовку планет-вассалов. Кому же еще, как не ему? И пункт договора о передаче правительству зародыша нового звездолета он выполнил с легким сердцем. И по закону, и по договору зародыш принадлежал правительству этой никчемной планеты, но, спрашивается, на что он этим ископаемым? И сами ведь не полетят на вербовку, и не найдут среди туземцев никого, кто мог бы полететь. Дело для них новое, заведомо рискованное и уж точно не для заплесневелых мозгов. Ну конечно, они должны были сторговаться с ним, Ларсеном!

Вышло иначе. Получив зародыш и уверения в том, что именно так он и должен поначалу выглядеть, а равно и инструкцию по уходу за ним, архистарейшины взяли тайм-аут. Ларсена это не встревожило. В конце концов, если старые пеньки не умеют шевелить мозгами быстро, то пусть шевелят медленно. Можно и подождать.

– Эй! Ты в порядке?

Корабль отозвался в том смысле, что желает отдыха, подзарядки и самопрофилактики. Всякому известно: желание корабля заняться своим здоровьем – нехороший признак. У людей примерно так же. Корабль больше не мог почковаться, и это было плохо. Но он был еще жив, и это было хорошо.

Правда, для подзарядки ему требовалась энергия извне. Планета находилась далековато от своей звезды, и звездолет просил разрешения приблизиться к ней, чтобы хорошенько прожариться в ее лучах. Прodelать это без человека на борту ему было даже удобнее.

– Оставайся на месте, – велел Ларсен. – Можешь заняться самопрофилактикой.

– Благодарю, хозяин. Сколько у меня времени?

– А я почему знаю? Несколько дней.

– Позволю себе заметить: на полную регенерацию изношенных систем мне потребуется не менее восемнадцати стандартных суток.

– Даю десять.

– Этого недостаточно, хозяин.

– Поговори еще у меня! – буркнул Ларсен. – Много воли взял. Начни с главного, а там посмотрим. Пока справляйся без подсказок.

– Хозяин покидает меня?

– На несколько дней. Режим безопасности – «умеренно дружелюбная планета», на защитный периметр энергию не тратить. Если в тебя попытается проникнуть посторонний – долбани его легонько, чтоб жив остался.

Последние слова были сказаны на всякий случай. Побывав по роду профессии на многих планетах, Ларсен умел быстро составить мнение о туземцах. Зябиане не вызывали опасений. Простейший тест подтвердил это: пустой пластиковый ящик, который Ларсен сразу после приземления нарочно вынес из корабля, так и лежал на своем месте, помеченный собаками, но не тронутый человеком. Ящик был виден издали, но по траве к нему не тянулись ничьи следы, за исключением следов самого Ларсена. Более суток очень удобный ящик, полезный в хозяйстве всякому селянину, стоял на виду бесхозным и никому не понадобился!

Нелюбопытны и законопослушны – только такое умозаключение и можно было сделать о зябианах на основе ящичного теста. Не позволяя себе расслабиться, Ларсен в то же время не ощущал беспокойства. Вместо того чтобы ночевать в звездолете, он вернулся в Пупыри, вновь заселился в гостиницу и стал ждать.

Ответ архистарейшин был получен через секретаря спустя три дня. Отказ. Простой и категорический отказ.

Удар был тем болезненнее, что Ларсен не ждал его. Понадобилось время, чтобы понять: архистарейшины против всех ожиданий решили рискнуть. Эти скопидомы решили, что смогут обойтись своими силами, а его, Ларсена, просто и без всяких затей спихнули в кювет, даже не поторговавшись как следует. Скупердяи сельские, дремотные, заскорузлые!

Но хитрые.

Пришлось признать: в оценке туземцев он ошибся, потому-то и решил, что с них можно содрать столько, сколько захочется. На других вербуемых планетах его запросы были куда скромнее. И всё, как правило, сходило гладко.

Будучи вспыльчив по природе, Ларсен поломал кое-что в гостинице, но, несколько остыв, щедро заплатил хозяйке за ущерб, избежав таким образом объяснений с полицией.

А вопить от ярости все-таки не стал. Это было не в его характере. Молчаливая злость куда опаснее для недругов, нежели шумная.

Опыт и логика подсказывали: человеческие руины, называющие себя архистарейшинами, не совсем глупы. Сами они нипочем не отправятся в Галактику в качестве вербовщиков. Значит, найдут других из числа зябиан. Ха-ха, тут им придется постараться...

Даже интересно: среди кого они начнут поиски?

Туземцы – народ дремучий, мирный, тихий. За три дня Ларсен повидал многих столичных жителей и ни в одном не почувствовал даже слабого намека на авантюризм. Их азарт проявлялся лишь при драках уличных собак – тут туземцы собирались толпой, болели за того или иного пса и делали ставки. Может быть, армия как естественное прибежище энергичных, агрессивных от природы людей? У Зяби ее не было. Полиция? Как и повсюду в Галактике, полицейских Зяби интересовало теплое благополучие, а не безумные, по их мнению, предприятия. Пожарные? Спасатели? Профессиональные спортсмены? Первые и вторые недалеко ушли от полицейских, а третьих на Зяби не было. Кого, спрашивается, местное правительство пошлет в бесконечно далекий и пугающий аборигенов космос? Где они, искатели приключений?

Их не было даже в столичных барах, трактирах и кабаках всех сортов. Ларсен обошел десятка два подобных заведений, от фешенебельных, по меркам здешнего захолустья, до грязных забегаловок, узнал, что местное пойло, в самом деле превосходное на вкус и убойное в смысле результата, называется не «гу-кло» или «ду-пло», а «бу-хло», нанял нескольких пьянчужек, чтобы те прислушивались к свежим сплетням и докладывали ему, но так и не увидел ни одной достойной внимания драки.

Ларсен не поручился бы головой, что на Зяби вообще нет искателей приключений, но счел этот вариант наименее вероятным. Есть, конечно, авантюристы, где-нибудь да существуют. А только поди найди их в короткий срок!

Итак, первый вариант отпадал. Вариант второй: отбор достойнейших. Соберут, как это водится на патриархальных планетах, многолюдную сходку, выберут всем миром благополучных и честных – тут уж не откажешься без того, чтобы подвергнуться всеобщему осуждению. Ну, допустим, выберут лучших... То-то и оно, что лучшие-то они здесь, а не там, где им предстоит действовать. Там-то они сразу напортачат и вернуться, поджав хвост, ибо деревенщина и в Галактике останется деревенщиной.

Ларсен поставил бы пять против одного на то, что архистарейшины это понимают. Лысые пеньки, развалины – а ум еще теплится! Так что и этот вариант не казался очень уж вероятным.

Оставалось третье: кандидаты в вербовщики будут назначены из числа тех, кто провинился перед законом.

Такие есть всегда и везде, даже на самой благополучной планете. Вопрос лишь в их количестве. Человек везде человек; сонное царство Зяби просто не могло до конца вытравить в каждом зябианине предприимчивость вкупе с некоторым пренебрежением к законам. А если

так, то архистарейшинам останется лишь выбрать среди правонарушителей – покоенарушителей по-местному – несколько подходящих кандидатур.

Можно, кстати, и сэкономить на их вознаграждении. Забвение прежних проступков – уже само по себе замечательный стимул лететь куда угодно, хоть к другой галактике, и вернуться героями в ореоле славы.

Этот вариант Ларсен посчитал самым вероятным. Уже следующим вечером, поставив в харчевне выпивку туповатому телеграфисту, он узнал о телеграммах, разосланных в полицейские отделения на местах. Пазл сложился.

Оставалось ждать. Ларсен жил в гостинице, тратя имперские банкноты, принимаемые здесь по грабительскому курсу, дегустировал туземное бу-хло, слушал разговоры завсегдатаев местного бара, порой ставил кому-нибудь выпивку в обмен на крохи информации, выжидал и наблюдал. Когда вся команда новоиспеченных вербовщиков соберется вместе, оценит сложность задачи и придет от нее в ужас, он попытается договориться с ними.

Возможно, они согласятся.

Возможно – откажутся. И напрасно. Это будет непродуманное, весьма опрометчивое решение. Во-первых, они начнут спотыкаться с первых же шагов, в чем им следует помочь – раз, другой, третий – и помогать до тех пор, пока они сами не взмолятся о помощи.

А во-вторых, с полученным туземцами единственным эмбрионом звездолета всегда может что-нибудь случиться.

Глава 8. «Топинамбур»

Больше всего на свете Цезарь не любил, когда кричат. Именно по этой причине он совершил свой самый первый побег из самого первого в своей жизни приюта. Предварительно сунув в кровать наоравшей на него воспитательнице трубчатого скунсоежа. Было тогда Цезарю аж шесть лет. С тех пор сменилось множество приютов и воспитательных домов, и количество побегов росло сообразно количеству приютов.

Семирамидин крик поражал не только уши, но и воображение.

– Да они что, издеваются?! Да я их!.. Еще архистарейшины называются!.. Архикретины! Да я дойду до самого императора... как его там зовут! Да я им... – тут в Устинье Компост прорезалось деревенское происхождение, – топинамбуром по сусалам! Да, именно по сусалам, по наглым бороатым сусалам! Что они нам подсунули? Кусок навоза какой-то! Как на этом лететь? Куда на этом лететь?..

– Семирамида, помолчи, а? – безуспешно попытался вклинить Ной, но только изменил направление звуковой атаки.

– Да и с кем лететь? – Семирамида переключилась на присутствующих с непринужденностью, говорящей о большом скандальном опыте. – С этим вонючим фермером? С этим карточным шулером? С этим прыщавым недомерком?..

На какой-то миг она замолчала, чтобы набрать в грудь порцию воздуха, и в паузу вклинился Сысой:

– Никто тебя не неволил, Семирамида, сама согласилась.

– На это я не соглашалась!

– Правда? – Сысой иронически улыбнулся и поскреб пух на черепе. – В подписанном тобою соглашении сказано вполне определенно: ты участвуешь в проекте, а Совет архистарейшин предоставляет звездолет. Вот он, звездолет. Надо ли понимать твои слова так, что ты отказываешься выполнять условия соглашения?

– Да! – завизжала Семирамида. – Отказываюсь! Еще как отказываюсь!

Сысой это ничуть не смутило.

– Прекрасно. Я и сам начинаю думать, что ты не годишься. Тебя заменят. Надеюсь, ты внимательно прочла соглашение и понимаешь, что делаешь.

Семирамида так и замерла с раскрытым ртом. Ной слегка усмехнулся. Цезарь тоже понял, но не отразил на лице ничего, поскольку во все глаза смотрел на темно-коричневое бугристое нечто в руке Сысои. Ипат стоял столбом и простоудушно моргал.

– Пошли, подпишешь отказ, – предложил Сысой. – Только не кричи, ладно? Голос сорвешь. А он тебе еще пригодится – раковолков пугать. Они, бывает, забегают с Дурных земель...

– Что-о?.. – Семирамида задыхнулась. – Почему?..

– Почему? – Тут Сысой поискал глазами, куда деть эмбрион звездолета, заметил, что Цезарь не отрывает от него глаз, и сунул «кусок навоза» ему в охотно подставленную руку. – Почему, говоришь? Я тебе скажу почему. Во-первых, не надо было тебе устраивать скандал прямо на сцене, срывая концерт. Во-вторых, совсем не следовало царапать Изабелле Заозерной физиономию. Раз и два – в сумме это дает покоенарушение второй категории. В-третьих, чтение – полезная привычка. Если бы ты дочитала соглашение до конца, то знала бы: отказ исполнить его требования означает усугубление тяжести покоенарушения на одну ступень. Два да один будет три. Итого – третья категория. Ну-ну, не дергайся... В Дурные земли тебя не изгонят, а вот пятилетнюю ссылку в какую-нибудь полупустыню близ границ оных земель я тебе твердо обещаю... Пошли?

Семирамида молча замотала головой. Ной откровенно наслаждался, на всякий случай отступив на шаг. Ипат моргал. Один лишь Цезарь не реагировал уже ни на что. Все его внимание было поглощено покоящимся на его ладони эмбрионом звездолета.

– Так-то вот, – сказал Сысой и вышел. Повисла тишина.

– Все равно я никуда не полечу, – заявила Семирамида уже почти спокойным голосом. – А встречу еще эту Изабеллу Заозерную – глаза ей выцарапаю.

– А что у тебя там стряслось с Изабеллой? – спросил Ной.

– Да так... Сука она. Моя песня должна была закрывать концерт, а не ее.

– Так и в программе было написано?

– Да мало ли что там напишут! – вспыхнула Семирамида. – Кто сборы делает – я или она? Чья популярность выше?

– Значит, когда объявили тебя, а ты отказалась выйти, эта самая Изабелла попыталась силой вытолкнуть тебя на сцену?

– Ага. И еще лыбилась, тварь! Тут я, конечно, вцепилась ей в патлы. В рыжие крашенные патлы!

– Умно, – похвалил Ной. – Тебе еще осталось съездить членов Совета по бороатым сусалам. Чем ты собиралась их угостить – топинамбуром, кажется? Взять топинамбур за ботву – и корнеплодом по сусалам?

Никто не хихикнул, но Семирамида и без того начала подозревать, что над ней издеваются. И быть бы в гостинной великому шуму, если бы Ипат, до сих пор хранивший молчание, не подал вдруг голос:

– Семирамида права.

– Чего? – не понял Ной.

– Он и впрямь похож на клубень топинамбура. – Ипат указал пальцем на эмбрион. – Давайте так его и назовем – «Топинамбур». А что маленький, так это ничего. Архистарейшины обещают, что он вырастет.

– Точно? – усомнился Ной.

– Конечно, вырастет! – убежденно сказал Цезарь.

– Это еще почему?

– Потому что он маленький. Все маленькое растет. Я вот еще расту, например.

Ной смерил шкета взглядом и только усмехнулся.

– Все равно! Я! На *этом*! Лететь! Отказываюсь! – отчеканила Семирамида.

Ипат лишь развел руками, Цезарь поднял голову, чтобы посмотреть на удивительную тетку, готовую отказаться от счастья полета, а что подумал Ной, не узнал никто. Вполне вероятно, он, подобно Семирамиде, не горел желанием горбатиться на Совет, однако помалкивал об этом.

Вслух же сказал другое:

– Может, он и правда вырастет. Поглядим. Когда мы вернемся с триумфом, нас на руках носить станут. Получишь свои двадцать пять тысячных процента с отчислений наших новых вассалов – купаться будешь в роскоши. Знаешь, сколько это? Даже если это будут нищие миры вроде нашей Зяби, все равно десять самодвижущихся экипажей себе заведешь плюс золотой нужник. Кто тогда перед тобой Изабелла Заозерная? Пф! Пыль под ногами.

– Патлы я ей все равно выдеру, – пообещала Семирамида. Впрочем, видно было, что слова Ноя произвели на нее впечатление.

– Выдирай сколько хочешь. Кто тронет национальную героиню? Максимум – порицание да штраф.

– Да хватит вам! – не выдержал вдруг Цезарь. – Смотрите! Он ведь правда живой...

Эмбрион звездолета по-прежнему был при нем, чуть-чуть грея и совсем слегка щекоча ладонь. Нельзя было понять, остается ли он в покое или слегка шевелится. Не в силах сдер-

жать свербящее желание, Цезарь осторожно погладил один из отростков эмбриона пальцами свободной руки – и зажмурился, как довольный котovýchухоль, от нахлынувших эмоций...

* * *

Если нет острой необходимости заставлять человека делать то, чего ему делать не хочется, то пусть найдет занятие себе по душе – всем лучше будет. Ни Ипат, ни Ной, ни Семирамида такого занятия себе еще не нашли. Ну и пусть страдают, решил Цезарь. Он-то нашел себе дело!

«Топинамбур»? Ну, пусть будет «Топинамбур». Название съедобного корнеплода звучало солидно, так мог бы называться какой-нибудь механизм, скажем, часть буровой установки. Не зря же название оканчивается на «бур»! Не сравнить ни с репой, ни с брюквой. Цезарю оно нравилось.

Ипат и Ной подержали эмбрион в руке, но и только. Ной лишь пожал плечами, после чего сунул руки в карманы и принялся насвистывать, а Ипат попытался выразить на своей крестьянской физиономии какую-то эмоцию, да так ничего и не выразил. Покряхтел и отдал эмбрион Цезарю. Семирамида же наотрез отказывалась прикоснуться к «Топинамбуру» не только пальцем, но даже веником.

Тем лучше! Конкуренты отпали, и ревность Цезаря мигом улетучилась. Мало ли что эмбрион звездолета считался принадлежащим всей планете – по факту он принадлежал ему одному!

«Недурная карьера для вчерашнего беспризорника», – мог бы заметить кто-нибудь вроде Ноя Занозы, но Цезарю подобные мысли и в голову не приходили. Мысли взрослых вообще ерунда, они всегда не о том.

Забравшись с ногами на диван в гостиной, Цезарь гладил эмбрион, ощущая в ответ радостное тепло где-то внутри себя, и млел. За ужином «Топинамбур» лежал у него на коленях, как котенок, разве что не мурлыкал. На ночь Цезарь положил его себе под подушку и не прогадал – видел счастливые сны. А после плотного завтрака, когда Ипат, сдерживая сытую отрыжку, собирался поискать, чем бы заняться, да и в настроении Ноя с Семирамидой также прорезалось благодушие, в дверь столовой постучали. Не деликатным тихим стуком и не громким требовательным, а по-деловому. И вслед за стуком без приглашения вошел незнакомец.

Четыре пары глаз уставились на него. И прежде чем незнакомец заговорил, всем четверым стало ясно: инопланетник. На Зяби таких не делают.

Высокие тут есть. Мускулистых сколько угодно. Иногда попадают и со шрамами поперек лица. Встречаются и носители всех трех указанных признаков. Но столь скупого и точного в движениях человека можно искать среди зябиан долго-долго. А уж столь гордых и заносчивых гостей, прямо с порога смотрящих на жильцов как на мелкое недоразумение, на Зяби не сыщешь днем с огнем.

Какому зябианину охота попадать под обвинение в покоенарушении? Только этим обстоятельством объяснялось, почему физиономию непрошеного гостя украшал лишь одинокий шрам, а не комплект из шрама и свежих синяков с кровоподтеками. Наглецов нигде не любят.

Ипат набычился и задышал. Семирамида, напротив, затаила дыхание. Ной один раз взглянул на вошедшего и отвел взгляд, сразу как-то преобразившись. Казалось, он стал меньше и незначительнее, чем на самом деле. Один лишь Цезарь, баюкавший на ладони «Топинамбур» и оттого расслабленный, встретил вошедшего спокойно, но, увидев, куда первым делом уперся взгляд чужака, мигом убрал руку за спину и ошетинился.

А инопланетник, быстро оглядев всю четверку, остановил взгляд на Ипате, по-видимому, признав в нем главного.

– Вы – вербовщики, – сказал он скорее утвердительно, чем вопросительно. Чужой акцент резал уши. – У меня к вам предложение...

– Эй, дядя! – немедленно перебил Цезарь. – А поздороваться?

– Предложение такое...

– А поздороваться? – нутряным басом прогудел Ипат, проверяя под столом, легко ли складываются пальцы в кулак.

– Я – Ларсен, – после некоторой паузы отрекомендовался гость. – Волк Ларсен – так меня называют. Вольный вербовщик. Это я завербовал вашу планету. У меня к вам предложение...

– А поздороваться?! – взревел Ипат, медленно поднимаясь из-за стола.

Поднялся и Ной, на вид – робкий замухрышка, и, втянув голову в плечи, поплелся якобы к себе в комнату, хотя на самом деле наметил заход с фланга.

– Здравствуйте, – сказал наконец Ларсен, подвигав желваками. – Итак, я Ларсен. Можете не представляться. Я знаю, кто вы.

– Откуда? – спросил Ипат.

– От ваших же сограждан. – Ларсен презрительно усмехнулся. – Они не слишком любопытны, но если что разузнают, не видят смысла скрывать. Вас не выпускают из этого дома, а меня к вам пропустили. Значит, секретности нет. Вряд ли ваше правительство вообще знает, что это такое. – Новая усмешка. – Я даже знаю, сколько вам предложили за вербовку пяти планет. Вы оказались здесь не по своей воле – отрицать, надеюсь, не станете? Уверен, что каждый из вас мечтает вернуться туда, откуда он был взят. Делаю вам предложение: вы пишете доверенность, мы летим и заверяем ее на любой имперской планете не ниже седьмого уровня пирамиды, вы переживаете там, а я после окончания работы доставляю вас на Зябь и возвращаю звездолет.

– А как же архистарейшины? – подала голос Семирамида.

– Им об этом знать не обязательно. Они получают корабль и пять вассальных планет. Чего им еще? А вы на время ожидания получаете суточные, а по возвращении – еще и ореол героев. Просто так, ни за что. При этом всю работу я выполняю за вас. Идет?

– И деньги, конечно, получаешь за нас? – тихонько спросил Ной.

Ларсен рассмеялся.

– Хочешь найти бесплатного вербовщика? Валяй ищи. А может, сам хочешь взяться?

– Может, и хочу, – еще тише отвечивал Ной.

Ларсен решил не обращать на него внимания.

– Тех, кто воображает, что эта работа им по плечу, – сказал он, – вынужден разочаровать. Самонадеянность – опасная болезнь. Даже у меня случаются проколы. У вас же просто ничего не выйдет.

– Почему? – спросил Ипат.

– Потому что вербовщик – это творческая профессия, а вербовка – искусство, – снисходительно пояснил Ларсен. – Когда-то было не так. Давно. Во времена моего деда. Когда заполнялся третий или четвертый уровень пирамиды, удачные вербовки совершались порой полными лопухами. Мой дед был таким лопухом, пока не научился кое-чему. Сейчас иные времена. Хотите взяться сами? Вот смеху-то будет. Для начала вы намотаетесь по Галактике до одурения, прежде чем найдете населенную планету вне имперской пирамиды. Потом вам предложат убраться оттуда подобру-поздорову...

– Почему? – вновь спросил Ипат, не поспевающий неторопливой мыслью за словами Ларсена.

– Чаще всего потому, что правители этой планеты не захотят становиться девятым уровнем пирамиды. На четвертый или пятый уровень они согласились бы охотно, приняли бы даже седьмой, а девятый их не устраивает. А может случиться и так, что вы сами будете рады унести оттуда ноги. Попадают ведь и дикие миры. Вы видели одичавших людей? Хищников,

каннибалов и потрошителей? Я видел. Наконец, если каким-нибудь чудом вы наткнетесь на пригодную для вербовки планету, итог известен заранее: никто не захочет иметь с вами никакого дела...

– Почему? – в третий раз спросил Ипат.

Шрам Ларсена искривила саркастическая гримаса.

– Мужик, ты в зеркало себя видел?

– А ты себя? – внезапно спросил Цезарь.

Между ним и Ларсеном находился обеденный стол, и беспризорник отлично понимал, что сцапать наглеца гостю будет не так-то просто. Да и кто еще тут самый большой наглец?!

Ларсен также оценил невозможность наказать сопляка немедленно и решил притвориться тугоухим.

– И последнее, – сказал он. – Эмбрион звездолета нуждается в уходе, а молодой звездолет – в объездке. Возможно, он у вас не умрет, прежде чем вырастет. Допускаю. Они довольно живучие, эти эмбрионы. Но вы никогда не сумеете объездить его как следует. Это тоже искусство. Объездка, если вести ее по всем правилам, процесс непростой и продолжительный. Вы надеетесь справиться сами?

– Уж как-нибудь, – отрезал Цезарь, вызываясь шмыгнув носом.

– Как-нибудь! – Ларсен расхохотался. – Именно как-нибудь! Он и повезет вас как-нибудь, можете не сомневаться. Как-нибудь! Ха-ха!

– Валил бы ты, дядя, отсюда, – насупившись, молвил Цезарь.

– Что? – Ларсен перестал хохотать. – Может, ты справишься с объездкой, шкет?

– Может, и справлюсь.

– Что-что? – Ларсен приложил ладонь к уху. – Я не ослышался? Да ты, малец, еще глупее, чем я думал. Хочешь покажу, что ты ни черта не смыслишь? Дай-ка сюда на минутку эмбрион!..

– Какой эмбрион? – с самым невинным видом спросил Цезарь.

– Тот, который ты прячешь за спиной, – ухмыльнулся Ларсен. – Давай-давай. Не бойся. Я покажу только одну штуку, и всем станет ясно, что...

– Не давай ему! – предостерег Ной.

– Я и не собираюсь, – буркнул в ответ Цезарь.

Ему было страшно. Он видел, как рубец на лице Ларсена налился кровью, и понимал, что сейчас может произойти что угодно. А еще он умел хитрить не хуже Ларсена и только дивился, что есть на свете, оказывается, тупицы, клюющие на такой примитивный обман.

Эмбрион ему, как же!..

Окажись Цезарь с Ларсеном один на один – удрал бы через окно. Но неприятель был в численном меньшинстве, и Ной – это было ясно видно – прекрасно понимал игру инопланетника. Ипат стоял столбом, шевеля ушами от мозговой натуги, – соображал, наверное, следует ли ему обижаться на слова Ларсена о зеркале. Однако Цезарь не сомневался – уж это-то придет на выручку, если дело дойдет до боя. Может, помедлит секунду-другую, но придет обязательно. Лишь на Семирамиду Цезарь не возлагал никаких надежд.

– А я ведь предлагал вам договориться по-хорошему... – Голос Ларсена, и без того грубоватый, внезапно приобрел твердость жести, а правая рука потянулась к отвороту куртки. – Никому не двигаться! Застрелю!

Пистолет словно сам прыгнул ему в руку. И одновременно, не потратив лишнего мгновения, сбоку на Ларсена кошкой прыгнул Ной. Нырять под обеденный стол, Цезарь услышал, как оглушительно завизжала Семирамида, и на секунду потерял способность что-либо видеть от выскочившей из дула пистолета ослепительной молнии. Что-то шваркнуло в стену, зашипело, как плевок на раскаленной плите, и в столовой сразу завоняло горелым. Из-под края скатерти Цезарь мог видеть только ноги. Вначале это были ноги Ларсена, а Ной, как видно, висел на нем, производя некие манипуляции с болевыми точками вольного вербовщика. Один шипел,

другой хакал. Потом на пол со стуком упал пистолет. Полсекунды спустя мелькнули и пропали ботинки Ноя, донесся звук падения – впрочем, аккуратного, – и Цезарь истолковал эти звуки так: Ларсен оторвал от себя противника и швырнул его через всю столовую. Ной, конечно, приземлился мягко, как кот.

Тут не следовало терять времени. Цезарь рыбкой нырнул вперед, пытаясь схватить пистолет, – и очень вовремя отдернул руку, иначе ее оттоптали бы. Вместо одной пары ног вдруг стало две, и вторая пара принадлежала женщине. Непрекращающийся визг Семирамиды отчаянно резал уши, а судя по тому, как взревел Ларсен, певица пустила в ход не только голос, но и ногти. В следующее мгновение туфли Семирамиды оторвались от пола, визг перешел в хрип, и Цезарь уже хотел предпринять еще одну попытку завладеть оружием, но сейчас же к двум парам ног добавилась третья. Чуть косолапая, обутая в крестьянские опорки большого размера.

Ипат.

Туфли Семирамиды вновь коснулись пола, зато ноги Ларсена взвились в воздух и принялись болтаться туда-сюда. Ларсен издал короткий, слегка придушенный рык. Ипат закричал, сказал «ух», и окно в столовой почему-то взорвалось, разбросав осколки стекла. Стало почти тихо.

Когда Цезарь вылез из-под стола, Ипат уже поливал из графина тлеющую стену, раскрасневшаяся и очень довольная Семирамида охорашивалась перед зеркальцем, а Ной, едва заметно прихрамывая, бродил по комнате, осторожно вертя в руках пистолет Ларсена. «Топинамбур» был цел, уютно устроился в ладони и навевал хорошее настроение.

Прошло, должно быть, с полминуты, прежде чем в столовую – глаза вот-вот выпадут на пол, рот распахнут, дробовик на изготовку – ворвался караульный.

– Что? Что такое?! Почему шум?!

– Посетитель от нас вышел, – насмешливо объяснил Ной, засовывая пистолет за пояс. – Дикий какой-то. Ему бы в дверь выйти, а он предпочел окно. Станные они, эти инопланетники, правда?

Не сводя выпученных глаз с рукояти плазменного пистолета за поясом Ноя, караульный попятился и охотно присоединился к высказанному мнению.

– Мальчики, – голосом сытой кошечки промурлыкала Семирамида, – добудьте мне щепочку.

Она уже поправила прическу и теперь готовилась вычищать из-под ногтей кровь и клочья шкуры Ларсена.

Глава 9. Цезарь и Ларсен

Не знаю, как это получается, а только говорю вам точно: каждая вещь рано или поздно находит свое место. Как-то раз я угнал паровую колымагу, груженную сухим навозом, дровами и яйцами в корзинах; весь этот груз был мне не нужен, но у меня не было времени выгрузить его. Кстати, и ехать пришлось быстро, потому что за мною гнались – наверное, чтобы спросить, что я делаю на водительском месте. Они очень любопытные, эти селяне. Дорога была длинная и вся в ухабах, груз поначалу прыгал и кричал, а потом каждый предмет нашел свое место, даже те яйца, что разбились и вытекли сквозь щели в днище кузова. Они ведь нашли свое место, разве не так?

Вот и с человеком то же самое. Он вроде шара – никогда не остановится на бугре, а скатится в ямку, как будто нарочно для него предназначенную. Мы и скатились.

Что эта ямка – моя, я сразу понял. Засомневался только раз: в первую минуту, как увидел «Топинамбур». Очень уж он был не похож на механизм. А все-таки он им был. Ну, я и привык. Много времени мне для этого не понадобилось.

Ипат – совсем другое дело. Пока Сысой не показал нам звездолет, я вообще не понимал, на что архистарейшинам сдался этот тугодум. А дело-то оказалось проще некуда: «Топинамбур» хоть и механизм, а все-таки живой. Ну и кому же поручить уход за ним, как не чудиле-фермеру, наострившемуся выращивать кенгуроликов? Вдобавок и сила его нам пригодилась.

И еще я понял, что Сысой в его-то годы еще далеко до старческого слабоумия, и даже зауважал старикашку. Значит, что получается? Для контакта с «Топинамбуром» я подхожу как нельзя лучше, во-первых, потому что у меня тяга к механизмам, а во-вторых, потому что в нашей компании я самый мелкий и влезу в звездолет, чуть только он дорастет до размеров прикроватной тумбочки; ну а если у меня вдруг ничего не выйдет, тогда что ж – в дело вступит спец по кенгуроликам. Только это зряшная перестраховка, потому что у меня все выйдет.

С Ноем тоже понятно – он у нас будет главным переговорщиком. Вербовщиком, как они это называют. В звездолете он нужен как лопате позолота, зато навешать кому угодно лапши на уши – тут он мастер, сразу видно. Может, не лучший на Зяби, но уж какой попал в лапы закона.

И если Сысой не соврал, то попал себе на пользу.

А вот зачем нам Семирамида?

Это вопрос.

Конечно, зря я ее совсем уж ни во что не ставил – один раз она оказалась нам полезна, очень вовремя вцепившись в Ларсена, – но какой нам от нее прок в будущем?

Думал я над этой загвоздкой, думал, пока в моей голове не начало клинить шестеренки. Так ничего и не придумал. То ли Сысой замыслил что-то хитрое, то ли и у него песок в мозговых шестернях. Можно спросить, но ведь не скажет.

Корабль Ларсена исчез с поля уже через несколько минут после драки. Наверное, Ларсен кинулся к нему со всех ног и тут же взлетел. Ищи-свищи его теперь.

Так я думал и радовался. Оказалось – рано. Миллион раз говорил себе: не радуйся раньше времени, – а все впустую. Наверное, тут уже ничего не поделаешь, каким родился, таким и останешься, пока не помрешь.

Сысой навестил нас в тот же день, когда Ипат выкинул Ларсена в окно. Расспросил о подробностях, издал одобрительное мычание и распорядился немедленно починить раму и вставить новые стекла. Приказ архистарейшины ленивая космодромная обслуга кинулась исполнять со всех ног. Вторым приказом Сысой объявил Ларсена в розыск. А Ной без напоминаний отдал Сысою пистолет инопланетника. Как будто так и надо. Но тем же вечером я подслушал разговор нашего комбинатора с Семирамидой. Они чаевничали на кухне оба-двое

и, наверное, думали, что их никто не слышит, а я был босиком и дышал неглубоко, притом через раз.

– По-моему, зря ты отдал пистолет, – негромко сказала эстрадная примадонна.

– А на что он нам? – еще тише удивился Ной.

– Ну... мало ли... Пистолет еще никому не мешал.

– На Зяби? Вне Дурных земель?

– Да не на Зяби, дурак! В иных мирах!

Ной хихикнул.

– Что, сладкоголосая, страшно лететь?

– Дважды дурак! Ну... в общем, страшно.

– Много ты навоюешь в иных мирах пистолетиком! Воевать нам придется словом. В крайнем случае звездолет нас обеспечит оружием. Живые звездолеты это умеют, я знаю. Какую вещь потребуешь, такую он и сделает, хоть пищу, хоть оружие. К тому же караульный видел у меня пистолет. Вот сказал бы Сысой: давай, мол, сюда плазменный, – а я ему в ответ что? Клялся бы рельсом Девятого пророка, что караульному померещилось?

– У тебя получилось бы, – с ядом и одновременно с одобрением, как только женщины умеют, сказала Семирамида.

– Все равно он не поверил бы. Нет уж, пусть Сысой нам доверяет. Так будет лучше. Водить за нос надо тогда, когда это выгодно, да и то не каждого встречного-поперечного. Такого, как наш Сысой, с порога не околпачишь, тут нужна немалая подготовительная работа. Уразумела?

Что ответила Семирамида, я уже не услышал, потому что Ной встал из-за стола, а я решил больше не околачиваться под дверью.

Насчет бесцельного вранья я был с Ноем согласен, врать надо по делу и по уму, а вот насчет других его слов остался в сомнении. Мне-то Сысой нравился, а кроме того, он приставил меня к работе, лучше которой я и выдумать не мог, а теперь что же – знать, что Ной Заноза как был жуликом, так им и остался, и не предупредить Сысою? Ну, скажу ему, предположим. А где мои доказательства?

Так я ничего и не надумал и решил: будь что будет.

Ипат хотел перебраться спать в гостиную, а свою спальню отдать мне специально для ухода за «Топинамбуром», но я его отговорил. Во-первых, мне хватило бы и моей спальни. А во-вторых, я обнаружил в доме роскошный чердак с приставной (снаружи) лестницей и перенес звездолет туда. Там я растил его, там порой и спал. И знаете что? Все это было для меня одним сплошным удовольствием и не стоило мне никакого труда.

А считалось работой.

Что нужно зародышу звездолета для роста? Правильный ответ: то же самое, что и всякому организму. Пища. По-моему, «Топинамбур» мог питаться одним только воздухом, но однажды, когда я спрятал звездолет на чердаке под дощатый настил, он принялся за балку и отъел от нее порядочный кусок, прежде чем я заметил. И хорошо, что заметил вовремя: никто меня не похвалил бы, обвалился в доме потолок.

Мало-помалу звездолет рос. Через несколько дней я догадался, что он растет быстрее, если каждый день держать его по несколько часов на свету, и стал пристраивать его возле слухового окна с южной стороны. Чтобы он не ел дом, я клал его на тарелку. Дело шло на лад, только количество тарелок в буфете каждый день уменьшалось на одну. Для корабля что балка, что тарелка – все было едино.

Хорошо, что в буфете их была целая стопка. Как будто архистарейшины поначалу собирались послать в космос не четверых покоенарушителей, а по меньшей мере два десятка.

Может, так оно и было.

Когда звездолет стал размером с некрупную дыньку, бугры на нем начали сглаживаться, и он уже не смахивал на топинамбур. Наведывающийся ежедневно Сысой был доволен. Ной

скучал и от нечего делать упражнялся в манипуляциях с карточной колодой. Семирамида по целым дням не выходила из своей комнаты. Сысой сказал, что это у нее раскаяние, а я так думаю, что она посадила голос, когда орала и визжала, ну и решила, что лучше уж молчать, чем сипеть. Что до Ипата, то он предложил:

– А давайте-ка его переименуем.

– Звездолет?

– Ну да. А чего? На топинамбур он уже не похож. И большой, и не корявый.

– А ты знаешь, на что он будет похож, когда окончательно вырастет? – спросил Ной.

Ипат, конечно, не знал. И никто не знал. То есть мы видели корабль Ларсена, когда он торчал на поле космодрома, но кто их знает, эти биомеханизмы. Хорошо, если они такие, какими им прикажешь быть, – а что, если они такие, какими им *нравится* быть?

– Ты своим кенгуроликам имена даешь? – спросил Сысой.

– Ну а как же, – удивился Ипат. – Конечно, даю. Они знают свои имена, идут на зов.

Кроме разве самых бестолковых да еще молодняка...

– Так я и думал. Значит, молодые кенгуролики еще не заучили своих имен?

– Ну а я про что? Ясно, не заучили.

– Взрослея, заучивают?

– Кроме глупых, говорю. Этих я на продажу, а если никто не купит – тогда на мясо.

Ипат еще не понимал, куда гнет Сысой.

– А ты их переименовываешь? Допустим, ты назвал какого-нибудь кенгуролика Молодцом, а он с возрастом обнаружил дурной нрав. Переименуешь ли ты его в Подлеца, Гада или Сволочь?

Ипат заморгал.

– Нет, конечно, – сказал он. – Обозвать-то скотину можно, а только имя – оно одно.

– Думаешь, со звездолетом можно иначе? – прищурился Сысой. И ко мне: – Ты его гладил?

– Гладил.

– Какой-нибудь ответ от него чувствовал?

Для разнообразия я решил не врать.

– Всегда.

– И ты называл его вслух Топинамбуром?

– Само собой.

– Вот так-то, – подытожил Сысой и вновь уставился на Ипата. – Понятно? Мы толком не знаем, как выращивать звездолеты, поэтому будем считать, что делать это надо примерно так же, как выращивают всякую животину. И уж если вы однажды назвали его Топинамбуром, то впредь не называйте ни Огурцом, ни Брюквой. Для пользы дела.

Ипат еще подумал немного и вдруг просиял. Дошло.

Дошло и до меня, только совсем другое. Но еще раньше оно дошло до Ноя.

– Что это значит – мы не знаем, как выращивать звездолеты? Ларсен не оставил инструкцию? И вы, архистарейшины, подписали с ним договор?!

Сысой только вздохнул и головой помотал.

– Есть инструкция, – признался он. – Вот такая толстая книга. На рагабарском языке.

– Ну и что?

– Если ты знаешь рагабарский, то у нас никаких проблем, – фальшиво воссиял Сысой. – Знаешь? Тогда я велю принести инструкцию.

– Что еще за язык такой? – нахмурился Ипат.

– Язык планеты Рагабар, присоединившей нас к имперской пирамиде под своим патронажем. У нас при космодроме жил один рагабарский торговец, ему Зябь нравилась. Мы рассчитывали, что он нам эту инструкцию переведет.

– А он что же? – спросил Ной.

– Помер на той неделе, – вздохнул Сысой. – Не уследили. Напился от радости по случаю успеха родной планеты, посинел и помер.

– А связаться с этим Рагабаром никак нельзя? – спросил Ипат. Я даже отвернулся – неловко мне стало, что большой и добрый дядя может быть такой дубиной.

– Как же с ним свяжешься? – снизошел до ответа Сысой. – Никак. На Зяби никто не знает рагабарского языка. Средств мгновенной межзвездной связи у нас нет и никогда не было. Мы не можем ждать, когда к нам в гости прилетит еще кто-нибудь и поможет с переводом: звездолет начал расти и ждать не станет. Вот когда-нибудь... когда вы вернетесь с успехом, тогда все у нас будет: и межзвездная связь, и путешествия, и еще много всего. Но пока придется самим...

– А картинки в этой книге есть? – спросил я.

Тут Сысой погладил меня по голове, и сделал это с такой ласковой печалью, что я стиснул зубы и стерпел.

– Есть. Но на первой картинке звездолет уже настолько велик, что в него может влезть человек, а по ранним стадиям развития – только текст...

– Ладно, – проворчал я. – Тащите книжку.

И на всякий случай отошел, чтобы Сысой не вздумал погладить меня еще раз.

Прошел еще день. Тот тип, что приносил нам в судах еду, заметил нехватку тарелок в буфете и поднял шум. Мы поставили нахала на место, но что-нибудь делать с этим все-таки надо было. Ипат нашел выход, а заодно и занятие себе. Сысой одобрил. Теперь каждый день нам приносили ведро сырой глины, а Ипат лепил из нее толстые блины и сушил их на солнце. «Топинамбур» с увлечением поедал и глину, ему что глина, что фарфор – без разницы. Более неприхотливого существа я еще не встречал. Кенгуролик нипочем не станет есть мясо, самобеглая повозка не поедет, если набить ее газогенератор чугунами вместо дров или угля, комару нужна кровь, а слизню – овощ или, на худой конец, гриб; звездолет же уплетал все, что ни дай. Меня это радовало.

Книгу, что принес Сысой, я пролистал и, конечно, ровным счетом ничего в ней не понял. Я и букв таких никогда не видывал. Картинки... Ну, не знаю. Может, толк от них и будет, решил я. А может, и нет.

На чердаке было сухо и пыльно, по ночам я отчетливо слышал, как потрескивают разошедшиеся стропила и потихоньку скрипят в кровле какие-то насекомые. Мне их скрип не мешал. В дальнем конце чердака висело осиное гнездо величиной с человеческую голову, но осы почему-то не подлетали ко мне, если рядом был «Топинамбур». Боялись, что ли. Хотя живое он не ел, я проверял, а вот дохлых мух поглощал с удовольствием. Чего бы осам его бояться, раз они живые? Однако факт: осы его сторонились. Я очень жалел, что «Топинамбура» не было со мной прошлым летом, когда в селе Трясь-Волосатое я не поборол искушение угнать оставленный без присмотра грузовичок, – ну откуда мне было знать, что в кузове под брезентовым тентом стоят друг на друге незакрепленные пчелиные ульи? И вовсе не я был виноват в том, что на дороге у машины отвалилось правое переднее колесо, от чего она съехала в канаву и легла на бок. А отдуваться пришлось мне. Хорошо, что поблизости оказалась речка достаточной глубины, чтобы нырнуть с головой. А то ведь как быстро ни беги, пчелы летят все равно быстрее.

Я дремал, нежась в тепле. За день чердак порядочно прогрелся, и я знал, что одеяло мне понадобится только перед рассветом. «Топинамбур» лежал у меня под боком сразу на двух толстых глиняных блинах работы Ипата и потихоньку их подьедал. Аппетит у звездолета рос не по дням, а по часам. Бугры на его поверхности почти совсем сгладились, и в целом звездолет теперь смахивал на средних размеров арбуз без хвостика.

Дремать-то я дремал, но не спал по-настоящему. По-моему, отсыпаясь в холодное время года на разных сеновалах, я выпался лет на десять вперед. Ночь шла к рассвету, стало свежее, и

я уже раздумывал, не потянуться ли мне за одеялом, как вдруг слышу – кто-то идет. Внизу. Не в доме подо мной, а снаружи дома. Идет тихо, можно сказать, крадучись, а все равно слышно, как шуршит трава под его ногами. Вот он остановился. Вот снова пошел. Шуршание прекратилось, зато тихонько хрустнул гравий – значит этот человек у самой стены. Что ему там надо?

Еще минута, и скрипнула перекладка приставной лестницы: этот тип карабкался ко мне на чердак! Сна как не бывало. Я тихонько встал, взял «Топинамбур», замотал его в одеяло и, стараясь не шуметь, отступил за толстую кирпичную трубу, что шла от печки в гостиной и проходила через чердак насквозь. Присел за трубой, чтоб быть пониже, и стал ждать.

Ночь была бы темнее сажи, если бы на четырех деревянных мачтах, обозначающих поле космодрома, не горели электрические фонари, а еще светились лампы над входами в космодромные строения – далеко и, по правде говоря, тускло, а все-таки лучше малый свет, чем полная темень. Глаза привыкнут, только дай им время.

Времени на это у меня было предостаточно, уж наверное, больше, чем у того, кто карабкался по лестнице ко мне на чердак. Кто бы это мог быть? Я очень хотел, чтобы это оказался не Ларсен, а кто-нибудь другой, а только никогда не бывает так, как хочешь. Когда голова и плечи человека появились на фоне окна, я узнал силуэт Ларсена и сейчас же перестал высовываться из-за трубы.

Он влез в окно, и чердак сразу стал каким-то не таким. Свет, не свет, не знаю, но вроде как темноты стало чуть-чуть поменьше. Наверное, у Ларсена был специальный фонарик с невидимыми лучами и очки, чтобы эти лучи видеть. Мне один вор рассказывал, что бывают такие штуки. Даже у нас на Зяби они встречаются, а уж там, откуда родом Ларсен, такой техники, наверное, видимо-невидимо.

И я тоже хорош! Знал ведь, что та штука, на которой прилетел Ларсен, может опуститься в любом месте совершенно беззвучно! Ясное дело, он незаметно сел где-нибудь поблизости, замаскировал корабль, прокрался на космодром и, уж не знаю сколько дней, наблюдал за нашим домом. Только полный кретин на его месте не понял бы, где надо в первую очередь искать «Топинамбур». Если Ларсен все время торчал поблизости и следил за нами, то я на его глазах раз двадцать взбирался по лестнице на чердак, порой имея кое-что в руках. Ну и где, спрашивается, искать это «кое-что», как не на чердаке?

А преодолеть в темноте колючую проволоку, что ограждает наш дом, и вовсе не вопрос. Особенно если приставленный к нам лупоглазый караульный давным-давно убедился, что мы не замысливаем побег, и по ночам выводит носом такие рулады, что на другом конце поля слышно.

Скажу честно: все это я потом додумал, а в тот момент ругать себя мне было некогда. С полминуты Ларсен осматривался, затем тихонько двинулся вдоль чердака, а я на корточках начал сдвигаться вокруг трубы, чтобы остаться незамеченным. Выглядывать я не решался, а ориентировался на скрип досок под ногами Ларсена и его дыхание. Подо мной-то не скрипело, я вдвое легче, а дышать почти совсем перестал. Уже придумал, как мне быть: как только Ларсен минует трубу, я – пулей – к лестнице, и был таков. Спустишь и уроню эту лестницу, пусть Ларсен ломает ноги, если захочет спрыгнуть, или дожидается полиции, потому что тревогу я подниму обязательно.

Даже странно стало. Звать на помощь полицию – такого со мной еще не случалось. Позор, конечно, а что делать вместо этого, я еще не придумал.

И не понадобилось.

Как только Ларсен поравнялся с трубой, я и рванул. Мне бы выждать еще несколько мгновений, да я боялся, что он заглянет за трубу. Может, зря боялся, а может, и не зря, какая теперь разница? Но рванул я как надо. И все получилось бы, будь у меня свободны обе руки. Вылезая в окно, я немного замешкался.

Ларсен схватил меня за рубаху. Быстрый, черт! Он не ругался, не рычал и даже не сопел – профессионал! Зато я заорал как резаный и дернулся, рискуя полететь вниз головой, сшибая перекладины лестницы. Ткань затрещала, но выдержала. Вот гадина! Ларсену только и оставалось, что стукнуть меня по голове, схватить сверток с «Топинамбуром» и унести ноги. Пока караульный продирает бы глаза, пока сбегался бы народ, вор без лишней спешки отступил бы тем же путем в свою летающую штуковину, и поминай как звали...

Ларсен старался затащить меня назад в чердачное окно. Силы ему было не занимать. Тогда я бросил одеяло с «Топинамбуром» вниз и что было сил вцепился в лестницу.

Он все равно меня втащил, а главное, так держал меня, что я никак не мог его укунуть. Только махал руками и брыкался, а это без толку. Сейчас, думаю, он приложит меня по голове, и я отключусь. А он спустится, заберет «Топинамбур» и унесет ноги.

Однако гляжу – вот он, мой «Топинамбур», висит в воздухе прямо передо мной и словно бы любопытствует: что, мол, тут происходит? Не то выпутался из одеяла, не то проел в нем дырку. Я его схватил, прижал к животу, а в голове только одна мысль: хорошо бы мне сейчас вырваться и смыться! Со звездолетом в руках, конечно.

Тут-то все и случилось.

«Топинамбур» рванулся вверх и поднял меня. Впрочем, вру: он поднял меня и Ларсена. Ларсен повис на мне, ни в какую не желая отпускать. У меня аж руки заныли – попробуйте-ка повисеть, ухватившись за арбуз, когда на тебе висит взрослый дядя! Ох, как мне хотелось его стряхнуть!

В этом деле «Топинамбур» не пожелал взять на себя мои проблемы. Пришлось самому. К счастью, чердак был высоким, так что я не особенно рисковал размозжить себе голову о стропила. Я мысленно приказал моему «арбузу» подняться чуть выше и лететь прямо на кирпичную трубу. И как можно скорее!

Он выполнил. А я в двух шагах от трубы заложил такой вираж, что чуть не выпустил из рук звездолет. Поджал ноги – и избежал удара о трубу. А Ларсен не избежал.

Сначала я услышал глухой удар. Ларсен вякнул, отцепился от меня и грохнулся на пол. До той поры он только сопел, но тут не выдержал и заорал, а потом вскочил и давай за мной бегать, кроя меня разными словами. По-нашему он ругался здорово для нездешнего, но до настоящего зябианина ему, конечно, было далеко. Так что я и слушать не стал. А чтобы Ларсен не мешал мне спокойно вылететь в окно, я, пролетая мимо осиногo гнезда, взял, да и смахнул его ладонью.

Никто не любит, когда его грубо будят среди ночи, и осы тоже. Так что Ларсену сразу стало некогда. А я спокойно вылетел в окно и мягко опустился на траву, ожидая, что будет дальше.

Сначала на чердаке выли и бегали. Потом Ларсен выпрыгнул, потому что осы не дали ему подумать о лестнице. Я-то думал, он сломает себе хотя бы ногу, да не тут-то было. Грамотно он прыгнул, ничего не скажешь, приземлился на обе ступни, колени согнул и сейчас же перекатился вперед, как гонимый ветром прыгучий куст. Вскочил – и деру! Я бы мог подсказать ему, где живет ближайший лекарь, только он не спросил. Потом слышу – хлопнула дверь. Все наши выбежали из дома: Ипат в трусах и с кочергой в руке, Ной в трико и Семирамида, драпирующаяся в простыню. Да еще из будки показался очумевший охранник. Вовремя, нечего сказать!

– Что это было?! – завопили все чуть ли не в один голос.

– Что было, то уже убежало, – говорю я этак важно. – Сюда все идите. Да поживее.

– Это еще зачем? – сипловато поинтересовалась Семирамида, но тут ее ужалила оса, она взвизгнула и сразу поняла зачем. Мигом все сгрудились возле «Топинамбура». К нему осы не подлетали.

– Ларсен? – спросил догадливый Ной.

– Угу.

В свете фонаря я разглядел на физиономии Ноя выражение «ну и дурень же он» – и порадовался тому, что Ной на нашей стороне. Уж он-то на месте Ларсена взялся бы за дело иначе! Как – не знаю, но иначе. И уж наверняка с лучшими шансами на успех.

А потом я поправил себя: Ной *пока* на нашей стороне.

Такие, как он, не бывают ни на чьей стороне, кроме своей собственной. Уж я-то знаю.

Глава 10. В небо!

Прошло несколько дней. Не знаю, сколько именно, потому что я считал дни только в приютах и исправительных интернатах, а на воле – чего их считать? А тут у меня не было воли только по названию. На самом-то деле я что хотел, то и делал. А хотел я неотлучно быть при «Топинамбуре», и никто не оказался такой сволочью, чтобы помешать мне в этом. Один только Ларсен хотел, да не смог.

Звездолет рос. Теперь я уже не карабкался по приставной лестнице на чердак – «Топинамбур» сам поднимал меня туда и спускал оттуда, стоило мне лишь захотеть этого. Когда он стал больше самой крупной тыквы, какую я когда-либо видел, я сел на него верхом и облетел все поле космодрома, а пролетая над лупоглазым караульным, попросту плюнул в него с высоты и даже попал. Потом вернулся – и ничего! Как будто так и надо. Сысой мне даже слова не сказал, а караульный, по-моему, меня просто боялся.

Потом «Топинамбур» перестал пролезать в чердачное окно, и я сказал Сысой, что надо бы построить во дворе сарай с широкой дверью или просто навес. Навес плотники сколотили в тот же день. Он, собственно, был нужен не «Топинамбуру», а мне, да и то лишь на случай дождя. Мне доставили воз сена, так что устроился я как надо – днем тень от навеса, а ночью тепло и мягко. Ипат больше не лепил корявой посуды, зато нашел глинистую проплешину на краю огороженного «колючкой» участка и показал мне. Я отпускал туда звездолет погостить. Скоро он вырыл такую яму, что хоть заполняй ее водой и плавай, как в пруду.

Порой я гладил звездолет и чувствовал, что ему это нравится. Иногда приказывал ему мысленно подняться в воздух, полетать туда-сюда без меня и аккуратно вернуться под навес. Тут бывало по-всякому, порой он слушался, а порой – нет. А еще я с ним разговаривал, но толку от этого, по-моему, не было никакого. Я и бросил.

Когда «Топинамбур» вырос с хорошего хряка, я стал задумываться: а как, собственно, мне попасть внутрь него? Толстая книга, что принес мне Сысой, нимало в этом не помогла. Меня, между прочим, в интернатах пытались научить пахоте и уходу за скотом, а никак не рагабарскому языку! Были в книге и картинки, да только я пока не понял, к чему они и что вообще изображают. Сысой вызвал к себе кое-кого из космодромной obsługi, потолковал с ними и объявил мне: согласно общему мнению, корабль-де сам должен открыть люк по приказу хозяина.

А каким должен быть тот приказ – одна туманность. Никто ничего не знает. Сколько лет эти бездельники на государственном жалованье числятся при космодроме, тут же и живут, видели немало квазиживых кораблей, а хоть бы один дармоед поинтересовался тем, что действительно важно!

Из словесного приказа ничего не вышло, из мысленного тоже. Я по сто раз на день думал: ну давай, открывайся, – и хоть бы хны. Только голова заболела. Поделился заботой с Ипатом, а он почесал темя, да и говорит:

– С животинкой оно как? Лаской надо. Кенгуроликов полезно чесать за ухом, от этого самый строптивый кенгуролик размякает и слушается. А нет – ну, щелкни разок кнутом.

– За каким ухом? – говорю. – Где у звездолета уши?

Он только заморгал.

– Что, совсем нету?

Хотел я сказать ему, что он дурак и деревенщина, но не стал.

– Сходи посмотри. Бугры – и тех давно нет. Он теперь такой... круглый.

– Вроде шара? – спросил Ипат.

– Вроде. Но не шар. Он меняет форму как хочет, но, в общем, круглый.

– А покажи.

То он целыми днями не выходил из дома, где только и делал, что ел, спал да тосковал по своим кенгуроликам, а то вдруг приспичило ему поглядеть на «Топинамбур». Поглядеть-то он поглядел, но трогать побоялся, убедился только в отсутствии ушей. Потом поскреб в затылке и сказал, что если бы домашний скот на Зяби так быстро набирал вес, то ходить бы ему, Ипату, в богачах. Большой вклад в решение проблемы, нечего сказать!

От Ноя и Семирамиды я помощи и не ждал.

В конце концов у меня самого голова пошла кругом. Взял, да и пожелал, чтобы у «Топинамбура» выросли уши. Они и выросли, развесистые такие, вроде ботвы. Чесал я за теми ушами столько времени, что пальцы онемели, а все без пользы. Плюнул. На что мне его уши? Мне люк нужен.

Может, в той книге и было написано, что за подрастающим звездолетом нужен какой-то особый уход, а по-моему, никакого ухода ему не требовалось. Он только и делал, что жрал землю и грелся на солнышке, куда сам выползал из-под навеса. Нового визита Ларсена я не боялся – после его неудачи космодром охранялся целым отрядом полицейских, а Сысой, чуть только замечал слабину в несении службы, всякий раз накручивал хвост их начальнику, а тот гонял подчиненных так, что от тех пар шел. Нечасто удастся увидеть, чтобы полицейские так старались, в общем, любо-дорого было посмотреть.

Временами я скучал. Ни с того ни с сего нападала хандра. Не знал бы, что в любой момент могу оседлать «Топинамбур» и всласть полетать над полем, – решил бы, что опять попал в воспитательный дом или еще куда похуже. Тогда я начал бы придумывать, как выбраться на свободу, и была бы у меня настоящая жизнь. Неужели для счастья человеку нужно какое-нибудь неудобство? А ведь похоже, что так и есть.

Ну, где тут здравый смысл?

Не знаю, чем занимался Ной, но разок он все-таки вышел из дома поглядеть на подросший «Топинамбур». Поглазел и сказал с пониманием:

– Наверное, Ларсен впарил нашим мудрецам дефектный эмбрион.

Мне сейчас же захотелось защитить моего подопечного.

– С чего ты это взял?

– Я бы так и сделал, – кратко и без обиняков заявил он.

– Ага. Значит, Ларсен хотел выкрасть у нас дефектный звездолет, так, что ли?

Ной щелкнул меня по носу, а когда я в ответ замахал руками, благодушно объявил, что теперь у нас счет один-один: он меня щелкнул пальцами, а я его – словесно. С тем и убрался в дом – наверное, упражняться в карточном мухлеже.

Сысой бодрился, но не выглядел довольным. Каждый день он приезжал посмотреть, как развивается «Топинамбур» и чем занят его экипаж. Часть времени он обязательно проводил со мной и всякий раз спрашивал, не впустил ли звездолет меня в себя.

– Пока нет.

Он жамкал бороду в кулаке, скреб пух на черепе и вслух надеялся:

– Ладно, подождем еще. Он еще малыш. Вот когда подрастет...

Этот «малыш» был уже ростом с хорошего свинобуйвола. Хотя я понимал, что уж если «Топинамбуру» положено стать таким же, как корабль Ларсена, то ему еще расти и расти. Хорошо, хоть рос он как на дрожжах.

– У него должна быть наследственная память, – сказал однажды Сысой. – Там все есть: и сведения об астронавигации и о населенных планетах, и, наверное, содержание вот этой инструкции. – Он указал на фолиант. – Управление мыслями – это, конечно, неплохо, но не заменяет управления голосом. Должны быть команды и на открывание люка, и на все прочее...

– Я пробовал голосом, – сказал я.

– Значит, мало пробовал. Или не так пробовал. Наверное, тут нужны особые слова...

– На рагабарском языке?

– Может, и на общеимперском. Если это так, он должен нас понять. Надо только знать нужные слова... Есть такая сказка, древняя-предревняя, так там одна баба по имени Али говорила слова: «Сезам, откройся!» – и оно открывалось...

– Что такое Сезам? – спросил я.

– Понятия не имею. Это знание утрачено. – Сысой вздохнул. – Но ты пробуй. Выдумывай, пробуй и не прекращай надеяться. Вдруг угадаешь? Хорошо было бы.

Я соглашался с ним, что это было бы хорошо, как охотно согласился бы, что один плюс один будет два. Старикам, которые еще не совсем выжили из ума, вечно кажется, что молодежь не сможет жить и зачахнет, если не долбить ей каждый день, что черное – это черное, а белое – белое. Ну ладно.

– Ты ведь катался на нем верхом? – спросил Сысой. Как будто не знал о моих полетах. – Корабль тебя слушался?

– Слушался. А только верхом в космос не полетишь.

– Это верно. – Сысой помолчал. – Знаешь, что будет, если ты не заставишь корабль слушаться тебя беспрекословно?

Это я знал. Меня опять сдадут в исправительное учреждение, а я оттуда сбегу. Я так и сказал.

Сысой укоризненно покачал головой.

– Кто о чем, а каждый все равно в свою дуду... Ладно, тогда и я буду говорить о своем. Слушай, Цезарь Спица. Слушай меня внимательно. Если ваша миссия окончится неудачей, и в особенности если она окончится, даже не начавшись, смотри что будет... Пять процентов совокупного дохода планеты – это немало, очень немало. Ежегодно мы будем вынуждены платить Рагабару пять процентов, ничего не получая взамен. Один год, первый, еще можно перетерпеть, но потом... – Он покачал головой. – Налоги взлетят до небес. Для многих это нищета, а для меня – отставка и смерть. Я сам сложу с себя должность архистарейшины, не стану дожидаться, пока меня выгонят. Ведь это я первый агитировал за вступление Зяби в имперскую пирамиду. Я увлек других, я за все и отвечу. Мне уже немного осталось – ну, год, ну, два... Не знаю, умру ли я в славе, но умереть в позоре и общем презрении очень не хотелось бы. А еще меньше мне хотелось бы дожить до голодных бунтов... Понимаешь ли ты меня?

Я только кивнул. Говорить не мог – горло перехватило. Сысой стало жалко-жалко.

– Действуй, – сказал он. – Покажи себя, Цезарь Спица. На тебя я надеюсь больше всего. Считаю, что ты назначен пилотом. Если все получится, если вы вернетесь с удачей, вот тебе мое слово – пилотом и останешься. Если захочешь, конечно.

Еще бы я не хотел этого!

Чуть только Сысой отбыл, я приложил руку к теплему боку «Топинамбура» и сказал:

– Сезам, откройся!

Конечно, он не открылся. Я и не особо надеялся.

– С тобой пилот говорит! Я назначен! Открывайся давай!

И тут же лопнул бок «Топинамбура»! Трещина пошла беззвучно, но так резко, что я даже перепугался. А сам звездолет вдруг раздался и вширь, и в высоту. Р-раз – и по трещине открылся овальный люк или, может быть, овальная дверь – не знаю, бывают ли овальные люки. Те, которые канализационные, всегда круглые, а те, которые ведут в подпол, – квадратные.

Ну ладно, пусть будет люк.

Заглянул я внутрь – темно и вдобавок жарковато, как в духовом шкафу, когда он еще не совсем остыл после готовки. Однако минуты не прошло – повеяло оттуда прохладой. В самый раз! Денек, надо сказать, выдался без единой тучки, солнце с неба так и жарило.

Сунул я в люк руку, подержал там с опаской – ничего плохого с рукой не случилось. Тогда рискнул сунуть голову, и сразу та полость, что оказалась внутри «Топинамбура», осве-

тилась мягким светом, очень приятным для глаз. Тогда я зачем-то скинул ботинки и забрался в звездолет целиком.

Ничего, просторно. Жить можно и лежать удобно. Поверхность жестче, чем сено, зато куда мягче, чем тюремные нары. Сидеть только не на чем.

«Кресло бы мне», – хотел я сказать, а говорить не пришлось. Корабль понял мое желание и тотчас вырастил удобное сиденье прямо под моей задницей. Даже с подлокотниками, и я уж не говорю об удобной спинке. Класс! Хотя чему удивиться: я ведь пожелал иметь кресло, а не стул и не табурет, а к креслу обязательно приторочены подлокотники. Что было заказано, то и появилось.

– Ты это... – сказал я вслух. – Ты не балуй. Когда летать будем, тогда уж, так и быть, читай мои мысли, а когда стоим – не надо. Слушайся голоса, а то мало ли что мне взбредет в голову... Нет, кресло оставь! А вот люк убери, лады?

Сказал – и аж пот меня прошиб. Пока люк существовал, я мог надеяться, что в случае чего успею, нырнув в него рыбкой, покинуть звездолет. А теперь что? Теперь я весь в его власти? Где я сейчас нахожусь – в рубке или, может, в желудке?

Не успел я это додумать, как люк исчез. Было это похоже на то, как затягивается дыра в заросшем ряской пруду, когда бросишь туда камень. Только куда быстрее.

Ладно. Будем считать, что так и надо. Главное в таких случаях – напустить на себя уверенность, а настоящая она или только с виду – кому какое дело?

– Вот так-то, – сказал я как можно нахальнее. – Хвалю. И не спорь со мной, шкет, мал еще со мной спорить... А ну-ка стань прозрачным!

И тут «Топинамбур» заговорил. Я чуть не подпрыгнул от неожиданности и страха.

– Какая требуется прозрачность – двусторонняя, односторонняя изнутри или односторонняя извне?

– Двустор... нет, стой! Односторонняя... это... изнутри!

Растаяли стены. Сначала они были бурые, потом побелели, как молоко, потом сквозь них стало кое-что видно, но плохо, как сквозь бутылочное стекло, а потом их как бы и вовсе не стало. Я даже рукой коснулся стены того кокона, в котором сидел, чтобы убедиться, что стены все-таки есть.

Не стану врать, очень мне хотелось приказать кораблю открыть люк, вывалиться из него на травку и привести в порядок нервы, психику и что там еще есть у человека внутри. Но и любопытно было до жути! Тогда я скомандовал:

– Взлетай!

– Прошу уточнить направление.

Голос у него был взрослый, мужской, довольно приятный на слух, только с чужим акцентом, как у Ларсена.

– Сам не можешь догадаться?

– Выполняю команду не читать мысли пилота, пока нахожусь на земле.

А ведь верно. Он был прав – это я сглупил.

– Поднимись строго вверх на пятьдесят... нет, на сто метров.

– Имперских метров или старых земных?

– Старых земных, – сказал я наобум. Вот уж никогда не задумывался, какими метрами пользуются у нас на Зяби!

Он даже не сказал «выполняю» – просто-напросто я взмыл в небо, да так резко, что поневоле вцепился в подлокотники.

– Ты это... хоть кресло непрозрачным сделай... Вот так... И еще дай понять, где кончешься ты и начинается воздух.

– Вывести координатную сетку?

– Выводи что хочешь.

Кресло стало видимым, а еще звездолет пустил по своей поверхности сеть тонких линий, примерно такую же, как на той круглой научной штуковине, которая называется глобусом. Мне сразу стало легче. Я велел ему расширить линии, чтобы они стали похожи на стальные ребра, а «стекло» между ними как бы присыпать слегка пылью – и стало то, что надо. Как будто сидишь в большой остекленной кабине. Одно было плохо: ничего вокруг меня не лязгало, не шипело, не тархтело и не пахло машинным маслом. Я дал себе зарок исправить этот недочет, но только в следующий раз. Хорошего понемножку, а зарываться – вредно.

– А теперь поехали!

Мы были в воздухе, поэтому я не сказал, куда лететь, а просто представил. «Топинамбур» немного снизился, и я понял, что не мешало бы починить крышу нашего дома, а еще увидел, как полицейские, караулящие периметр, задрали головы и рты раззявили. Ну, сейчас я им!..

Спикировал прямо на них. Двое залегли, остальные – бежать. Давно я так не веселился. Ну, теперь на бредущем и свечкой вверх!

Наверное, целый час я упражнялся в пилотаже – крутился над полем и так, и этак, и по-всякому, а душа пела! Но не нагнул. К примеру, не стал проверять, что будет, если я прикажу кораблю на полной скорости врезаться в землю. Почему мне знать, кто он от рождения – послушный дурак или жить хочет?

Потом решил, что на первый раз достаточно, посадил «Топинамбур» возле той ямы, где он кормился, велел кораблю открыть люк и вылез. Все наши встречали меня возле дома. Семирамида была в халате и с полотенцем, обернутым вокруг головы, – похоже, ее вытащили из душа. Ипат просто моргал. Ной держал в руке карточную колоду, а манипулировать ею забыл.

– А ты герой! – сказал он мне.

Где-то глубоко внутри я не возражал, но ответил иначе:

– Я-то? Не-е. Я просто пилот. – А сам корчу рожи и губы сжал, чтобы рот от удовольствия не разъехался до ушей.

– Как же он тебе покорился?

– Очень просто. Я пилот этого корабля, ясно? Меня Сысой назначил пилотом. Ну а я, значит, сообщил об этом «Топинамбуру»...

– А он что?

– Ну не дурак же он. Сразу понял, кого надо слушаться.

Словом, вышел триумф. Даже полицейские не ругались. Семирамида – и та не сказала мне ничего едкого. Ипат меня просто обнял и чуть не задушил. А вскоре примчался на правительственной машине Сысой. До сего часа я такие машины только издали видел – красивые, мощные, с газогенератором, рассчитанным на хороший уголь, словом, загляденье! Но теперь я смотрел на нее примерно как на палку, на какой босоногие ребятишки верхом скачут.

– Получилось?!!

– Ага, – говорю. – Только это... Тренироваться надо.

– Тренируйся! – выдохнул Сысой. – А... показать сможешь? Прямо сейчас?

– Сейчас?

– Нет, если ты устал, то можно и завтра...

Я-то видел, как ему хочется посмотреть. Ну ладно, пусть посмотрит. Пусть все посмотрят. Велел кораблю открыть люк, забрался внутрь, вновь вырастил себе кресло, а потом взял, да и вырастил второе рядом. Тесновато получилось, но, в общем, вдвоем поместиться можно.

И жестом приглашаю Сысою – давай, мол, не дрейфь, вместе прокатимся!

Второй раз приглашать его не потребовалось. Может, половина архистарейшин – замшелые пни с опятами, но Сысой уж точно из другой половины. Телом дряхл, а умом ясен, и притом еще какие-то желания в нем шевелятся! Только вскарабкаться в люк у него никак не получалось. Я уж хотел было велеть кораблю вырастить такую пологую лесенку, но обошлось без нее: Ипат просто взял со всем почтением Сысою на руки, как младенца, и бережно втис-

нул внутрь «Топинамбура». Я зарастил люк и велел кораблю сделать как было, то есть чтобы можно было смотреть сквозь его стенки куда угодно и притом без этой глупой иллюзии, будто летаешь без ничего, сам по себе.

Потом дал архистарейшине чуток попривыкнуть и скомандовал:

– Взлетаем.

А уж дальше командовал мысленно. Вертеть разные фигуры и разгоняться не стал, а просто облетел поле космодрома по окружности, поднялся повыше, а там двинул к столице и опять-таки спокойно, чтобы не напугать старца, облетел все Пупыри от окраин до центра по сужающейся спирали. Снизился и вернулся обратно на бреющем. Сели.

Гляжу – Сысой плачет. Тихо так плачет, без рыданий и всхлипов, а просто слезы текут из глаз, в морщинах застревают.

Я решил подождать открывать люк. Не хватало еще, чтобы всякие встречные-поперечные узрели архистарейшину в таком виде! Это ведь мы с ним видели все, что делается вокруг, а те, кто торчал снаружи, видели лишь бурую и гладкую поверхность «Топинамбура».

Или я должен уже говорить не «поверхность», а «обшивку»?

Ой, вряд ли. Ну какая у него может быть обшивка? Чем он обшит?

Пока я об этом размышлял, Сысой искал носовой платок, не нашел и вытер слезы бородой. Сморгаться в нее не стал, а просто хлопнул носом и спросил:

– На нем уже можно слетать в космос?

Это мне и самому было интересно.

– Эй! – спросил я вслух. – А в космос можешь?

– Могу, – отозвался корабль.

– Действуй!

– Стой! – крикнул Сысой, и я продублировал приказ. «Топинамбур» взмыл было свечкой вверх и завис так высоко, что даже мне стало не по себе. – Стой, не надо... – Сысой глубоко вздохнул. – Незачем форсировать. Неразумно. Это я просто так спросил. Суетные желания... Увижу напоследок нашу Зябь со стороны – может, и решу, что жил на свете не зря... Но это еще успеется. Сначала тебе придется полностью освоиться с управлением кораблем в атмосфере. Мало ли что он может выкинуть, да и молодой он еще, ему подрасти надо... Давай-ка вниз, на сегодня хватит. Устроим разбор полетов. Подумаем, что так, а что не так. А в космос когда-нибудь в другой раз, в другой раз...

Я так и не понял, жалко ли ему, что отправляться в космос прямо сейчас неразумно, или он рад этому. Я и то ощущал холод в позвоночнике, а архистарейшины разве не люди?

Значит, умеют бояться.

Глава 11. Выньте из супа поварешку!

Ларсен сбежал. Напрасно Сысой распорядился разослать его приметы по всем полицейским участкам, и напрасно в поселке Сморкачи квартальный надзиратель задержал суконных дел мастера Феофила Пятку, имевшего неосторожность носить на лице примерно такой же шрам, как у разыскиваемого. Равным образом напрасно в селе Большие Пупы был слегка побит селянами, связан и сдан с рук на руки полицейскому наряду некий заезжий торговец Тит Недобаба, отличавшийся дефектом речи, смахивающим на инопланетный акцент. Ларсена найти не удалось. Космический волк покинул Зябь. Опухший и злой после диспута с осами, он бросился вон с космодрома и уже через полчаса добрался до замаскированного в овраге корабля. Взлет с планеты прошел, как всегда, бесшумно и остался незамеченным туземцами.

Не взлет – прыжок! Стартовый рывок спринтера. Будь корабль еще чуть-чуть старше и дряхлее, он погиб бы от таких перегрузок, а откажи в нем система гравикомпенсации – погиб бы Ларсен. Лишь в космосе, порядочно удалившись от этой поганой планеты, космический волк слегка успокоился и принялся сводить баланс удач и просчетов.

Время у Ларсена было. Много времени. Корабль попросил разрешения приблизиться к желтому карлику – центральному светилу этой системы – и получил просимое. Кораблю требовалась подзарядка. Он предпочел бы напитаться энергией вблизи магнитосферы нейтронной звезды, истекающей жестким излучением, но в этом секторе пространства не было нейтронных звезд. Чтобы забраться внутрь орбиты, ближайшей к желтому карлику планеты, потребовалось всего несколько часов. Здесь корабль расплющил себя в плоский блин, увеличив насколько возможно площадь сбора лучистой энергии, а для Ларсена оставил крохотную каюту в центральном вздутии, обеспечив привычный человеку температурный режим и сверхскромный набор удобств.

Что ж, порой приходится довольствоваться и малым.

Ларсену было плевать. Ему случалось переживать и не такое. Не отсутствие комфорта, а ощущение бессилия жгло и мучило космического волка. Он недооценил туземцев! Вместо того чтобы с благодарностью принять его предложение, они провели его как простачка! В активе – только выполненные обязательства перед Рагабаром. В пассиве – дряхлый, уже не способный к почкованию звездолет, невозможность достать новый и рухнувшая перспектива хорошо заработать.

Теперь он отчетливо понимал, что надо было с самого начала просить у зябиан меньше. Эти провонявшие навозом селяне, погрязшие в затхлой сытости, ни к чему не стремящиеся и ни о чем не мечтающие, побряхтев, согласились бы на более умеренное предложение. Но – поздно. Теперь правительство Зяби больше не захочет иметь с ним никаких дел. Две попытки присвоить себе зародыш звездолета, по договору являющийся собственностью туземцев, взбесят кого угодно, включая даже таких ископаемых, каковы архистарейшины.

Чего Ларсен совершенно не терпел, так это переживаний. Была Проблема, и, разозленный, он пока не видел, как решить ее. Тогда он навалился на свою ярость и стал истреблять ее методично и свирепо. Прижался лицом к стенке каюты и залечил покусанный осами эпителий. Медленно сосчитал до ста. Прodelал комплекс дыхательных упражнений. Помогло.

«Разве что-то уже потеряно?» – спросил он себя. Для порядка подумал немного и дал отрицательный ответ.

Ничего еще не потеряно.

Оставим на время Ларсена. Пусть размышляет, анализирует и выстраивает новый план, который уж наверняка сработает! Вновь наведем лупу на Зябь, пропустим несколько дней и дождемся очередного визита Сысой Клячи к экипажу «Топинамбура».

– Голова моя, голова!.. – стонал Ной, держась обеими руками за упомянутую принадлежность организма.

– Что с головой? – спросил Сысой с той строго выверенной смесью участия и сомнения в голосе, каковая должна была показать Ною: в общем-то я на твоей стороне, но я помню, что ты мошенник, и не пытайся водить меня за нос.

– Она не выдержит! Мозги закипят!

Архистарейшина был ехиден и безжалостен:

– Значит, они у тебя разжижены от рождения. Кипит только жидкость.

– Сам бы попробовал!

– Я пробовал. – Это было правдой. – Может, тебя заменить, пока не поздно, как ты думаешь?

Ной ничего не ответил, но стонать перестал. Семирамида вприхлопку пила чай с целебными травами. Ее голова была обернута мокрым полотенцем, в глазах – космическая пустота. Сысой уже полчаса как приехал, и за это время она не сделала ни одной попытки завопить или завизжать. Это настораживало.

Ипат и Цезарь отсутствовали. Шло обучение основам астронавигации. Сквозь окно гостиной Сысой мог видеть, как Ипат сидит на корточках перед «Топинамбуром», приложив большой лоб к телу звездолета, и впитывает учебный курс, а Цезарь расхаживает позади, что-то говорит и жестикулирует. Вряд ли Ипат слышал его, но мальчишку это не смущало. Беспризорник был на высоте. Единственный из экипажа он не был контужен наукой. Что давали, то и воспринимал, еще и удивляясь, почему другим это трудно.

А навеса над звездолетом уже не было – подросший «Топинамбур» перестал помещаться под временным укрытием и сожрал навес. Один недавно взятый из деревни полицейский не иначе как от большого ума битый час увещевал звездолет не ломать то, что не им построено, затем осерчал и начал угрожать, а не добившись толку – выстрелил из карабина в грудь хищной протоплазмы, каковой ему, несомненно, представлялся корабль. Видимо, стражу порядка почудилось, что когда-нибудь звездолет пожрет всю Зябь, а люди, лишенные привычной тверди под ногами, беспомощно забарахтаются в пустоте. Полицейский был отстранен от несения службы, а что до выпущенной им пули, то «Топинамбур» сглотнул и ее. Что ему пуля, если космические пылинки, сталкивающиеся с биоизвездолетом на субсветовых скоростях, неизмеримо опаснее, а все равно как миленькие идут кораблю в пищу! Как организм «Топинамбур» был значительно совершеннее любого полицейского.

Судя по всему, целебный чай подействовал. Семирамида отставила пустую чашку и сердито сверкнула глазами на Сысою. Тот – как камень.

– Мне-то на кой эта астронавигация? – сердито спросила певица.

– Вдруг придется самой управлять кораблем.

– Этим чудовищем? С какой такой радости?

– Додумай сама. Дело для нас неизведанное, миссия у вас трудная. Могут быть всякие случайности.

– Три мужика рядом... ладно, два с половиной – и случайности?! Фига!

– За языком следи, не в трактире, – осадил ее Сысой. – Будешь готовиться, как все, по полной программе. Если отказываешься, скажи об этом прямо сейчас. У нас для тебя есть другой вариант, он тебе известен...

– Да не отказываюсь я, не отказываюсь...

«Может, было бы лучше, если бы отказалась?» – подумал Сысой. Временами на него накатывало состояние, когда вся затея казалась ему дикой, ничем не оправданной авантюрой. Строго говоря, план «Небо» до сих пор казался авантюрой доброй половине архистарейшин. Кое-кого из этой половины Сысою удалось уболтать, расписав дивные перспективы, и только поэтому Ларсен преуспел в вербовке Зяби. Но можно не сомневаться: внутри себя уболтанные

члены Совета уже раскаялись в содеянном и молчат лишь потому, что дело пока идет довольно гладко. Тупые чурбаны! Начнешь прислушиваться к ним – станешь точно таким же. Дряхлость одолеет, обыденность заест, мозги окончательно протухнут, захочется спокойного размеренного бытия, и миллионы дураков с удовольствием отметят: ах, какие у нас разумные архистарейшины!.. Совсем как мы!.. И это будет конец. Нельзя держаться за старину – старина сожрет любого и не поперхнется. Зяби нужен выход на простор, ей нужен шанс...

Скрипнула входная дверь, послышались тяжелые шаги Ипата и дискант Цезаря: «Ну да, так оно и есть на самом деле... Не веришь? А вот представь...» Наверное, звездолет поведет фермеру, что звезды гораздо больше Зяби и светят не по причине сгорания в них древесного угля, а равно и не потому, что в них вделаны батарейки. Вид у Ипата был обалделый. Впрочем, на мигрень он не жаловался. «Там нечему болеть», – непременно съязвил бы Ной, вздумай архистарейшина поставить ему Ипата в пример.

Сказать честно, Сысой и сам давеча испытал некоторое кружение головы после знакомства через «Топинамбур» со сведениями – несомненно, уже несколько устаревшими, – о текущем состоянии империи и разнообразии входящих в нее миров. Но ему-то незачем было изучать еще и астронавигацию...

– Как дела? – спросил он, адресуясь главным образом к Цезарю. – Как идет обучение?

– Порядок!

– Рад слышать. А где это ты вчера летал, не расскажешь?

Мальчишка явно не ждал этого вопроса. А зря: телеграфная связь на Зяби всегда работала исправно.

– Ну... это... по воздуху летал.

– Я догадываюсь, что не под землей. А точнее?

– В космос не летал пока. – Мальчишка прикидывался непонимающим. – Так что только по воздуху... В атмосфере...

– В поселке Верхонижье ты разворотил «Топинамбуром» крышу, часть стены и ограду воспитательного дома для несовершеннолетних покоенарушителей, – строго сказал Сысой. – Или, может, скажешь, не было этого?

Цезарь подумал самую малость и решил признать, что было.

– Ну... не справился с управлением... А что?! Нельзя отвлечься один раз?..

Потупил взгляд и очень натурально засопел носом, как всякий мальчишка, частично признающий вину, но полагающий, что дело не стоит выеденного яйца, за что наказывать-то? Выглядело это весьма натурально.

– Задумался, должно быть? – ласково продолжал Сысой. – Замечтался?

– Ага...

– Задумался, наверное, о том, как свести счеты с начальником воспитательного дома? Только не говори, что ты там никогда не бывал!

Цезарь перестал сопеть.

– Не. – Теперь он нахально лыбился. – Задумался о том, как другим помочь. Таким, как я.

– Чем ты помог им, дурья твоя голова? Ну, разломал стену... Ну, разбежались дети кто куда. Красть будут, бродяжничать... На воле им разве лучше?

– А то! Летом – конечно, лучше.

– Да ведь все равно они рано или поздно окажутся в воспитательном доме!

– Может, не в этом. Может, в другом. Где начальник не такая паскудная тварь...

– Значит, ты признаешься? – сдвинул седые кусты бровей Сысой.

– В чем?

– В умышленном разрушении здания и дезорганизации работы государственного учреждения. В покоенарушении второй категории, если не хуже.

– Что? А, не. – Мальчишка искренне возмутился. – Когда я в этом признался? Кто это слышал? Я признался только в том, что задумался при пилотировании. А уж случайное, оно... это... случайно. Потому так и называется.

Архистарейшине почудилось, что Ной Заноза за его спиной тихонько хихикает. Скорее всего так оно и было. Но когда Сысой повернулся к нему, физиономия мошенника изображала лишь недавно перенесенное страдание от приобщения к науке.

Величаво, как и подобает архистарейшине, Сысой огладил белую бороду. Затем резко хлопнул ладонью по столу. И ладошка-то была старческая, ссохшаяся, и сила удара воробыная, и стук получился недостаточно звучным, но от Сысоа не ждали и этого.

– Ну, хватит! – заговорил он уже совсем иным тоном. – Кажется, вы решили, что раз вы нужны правительству, то можно и дурака повалить? Ошибаетесь. Всех касается! Всем слушать внимательно! Пока вы здесь, на Зяби, вы должны готовиться так, чтобы от вас пар шел! Уставать, как на молотье, но учиться, учиться и учиться! Лучше здесь и сейчас, чем потом и где-то там... – Сысой указал пальцем вверх. – Вам понятно? Или, может, вы решили отдохнуть на казенных харчах? Не выйдет! У нас – то есть у вас – нет времени на отдых. Вы не знаете, что думает народ, а я знаю! Ропот, недовольство. Цезарь носится на «Топинамбуре» так низко, что стада разбегаются, а ему, видите ли, весело! Совет архистарейшин завален жалобами, и это только начало! Вчера прибыла делегация священнослужителей, они вообще против нашего проекта и обвиняют Совет в суемудрии и блудомыслии. А все потому, что в Земноводске кое-кто пикировал на храм и пугал прихожан. Звонарь только чудом не упал с колокольни. Хорошо еще, что Девятый пророк ничего не говорил о космических полетах! Сегодня тот же воздушный хулиган разрушил воспитательный дом – значит в претензии будет еще и департамент полиции! Нет уж, хватит! Вы еще не поняли, какой суп взбаламутили своей поварешкой? Да-да, я о нашем проекте! Совет требует завершить подготовку как можно скорее. Цезарь, тебе говорю! Вынь палец из носа, слушай и запоминай! Больше никаких полетов низко над землей. Ипат, твоя функция – общее руководство. Ной, тебе надо налечь на имперские законы и обычаи разных миров. Выдои из «Топинамбура» все, что ему об этом известно. Дней через десять корабль повзрослеет достаточно, и ровно через десять дней вы отправитесь в экспедицию! Ни днем больше! Это необходимо для спокойствия народа. Ясна задача?

– Значит, я буду вести переговоры с инопланетниками? – вкрадчивым голосом уточнил Ной.

– В первую очередь ты.

– Стало быть, Совет мне доверяет?

– Твоей честности – нет, – отрезал Сысой. – Твоему уму – да. Еще вопросы?

– Общее руководство, как я понял, возлагается на Ипата? – спросил Ной. – Это из недоверия ко мне?

– Это из здравого смысла. Ипат – начальник экспедиции и командир корабля, Цезарь – первый пилот, ты – дипломатическая персона. Что-то неясно?

– А кем буду я? – неприятным голосом осведомилась Семирамида.

Судя по ее виду, она готовилась закатить один из своих знаменитых скандалов.

– Членом команды, – быстро нашелся Сысой. – А еще советницей, музой и украшением корабля.

Что такое муза, помимо Устиньи Компост, знал только Ной, а Цезарь, услышав про украшение, живо представил себе Семирамиду в роли носовой фигуры древнего судна и раскашлялся, чтобы не заливаться смехом. Получилось натурально, да и Сысой глядел на певицу без тени усмешки. Семирамида успокоилась.

– И еще одно. – Сысой по очереди обвел выцветшим взглядом весь экипаж «Топинамбура». – Некоторые в Совете думают, что вы не должны этого знать, а я уверен, что все-таки должны. С самого начала программы Совет решил подстраховаться. У нас не было уверенно-

сти, что вы четверо сможете стать единой командой, сплоченным экипажем корабля. Говоря откровенно, я до сих пор не вполне уверен, что у вас это получится. Короче говоря... существует резервная группа. Тоже четверо. Поскольку корабль у нас всего один и находится в вашем распоряжении, ваша подготовка продвинулась значительно дальше. Но если что, отставание может быть ликвидировано за каких-нибудь десять-пятнадцать дней. Очень не советую вам филонить. Очень. – Откинувшись на спинку стула, Сысой вновь принялся оглаживать бороду.

– Да кто филонит-то? – набычившись, прогудел Ипат.

– Теперь и ты тоже. Если экипаж корабля не работает в полную силу, виноват командир, то есть ты. Твоя недоработка.

– Бить мне их, что ли? – заморгал Ипат.

– А это на твое усмотрение. С тебя я спрошу за результат, а как ты его добьешься – решать тебе.

– Ага. – На этот раз Ипату не понадобилось много времени на умственную деятельность. Засучивая на ходу рукава, он двинулся к Ною. Тот проворно отпрянул и побежал вокруг стола.

– Но-но! Без рук!

– Могу и без рук, если дозволено ногами, – гудел командир корабля, преследуя дипломатическую персону. – Дозволено, а?

– Дозволено, – разрешил Сысой.

– Ну хватит, хватит! – закричал Ной. – Я уже все понял! Да уймите же его... Командир, перестань, еще поломаешь что-нибудь... Всё-всё-всё, я буду учиться! Честное слово, буду! Шут с ней, с головой...

– Как ты полагаешь, можно ему верить? – небрежно осведомился Сысой.

Преследователь немедленно остановился. Замер и преследуемый.

– А ты как полагаешь? – спросил Ипат архистарейшину.

– Тебе виднее.

– Мне?

– Тебе. Ты командир, не я.

Ипат глубоко задумался.

– Может, простить его на первый случай?.. – нерешительно произнес он.

– Не знаю, – открестился Сысой. Он стал демонстративно смотреть в окно. «Ну же, командуй! – хотелось крикнуть ему. – Не ищи подсказок, не мямли – командуй! Поставь себя! Эх, фермер, фермер, простая душа... Вообрази, что перед тобой не человек, а всего-навсего кенгуролик, только хитрый...» Но ничего нельзя было вымолвить вслух, и никаким движением нельзя было подсказать Ипату, что делать. Либо он поймет это сам... либо никогда не станет командиром звездолета и начальником экспедиции.

Не Ноя же ставить во главе экипажа!

И не мальчишку...

Сейчас архистарейшина больше всего жалел о том, что его выдумка насчет резервной группы не была правдой. А ведь так и надо было поступить! Чем больше людей, тем выше шанс найти среди них подходящих! Непростительно для архистарейшины не знать, каковы в большинстве случаев его сограждане...

Но Ипат не подвел.

– Иди сюда, – сурово сказал он Ною. – Не бойсь, бить не буду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.